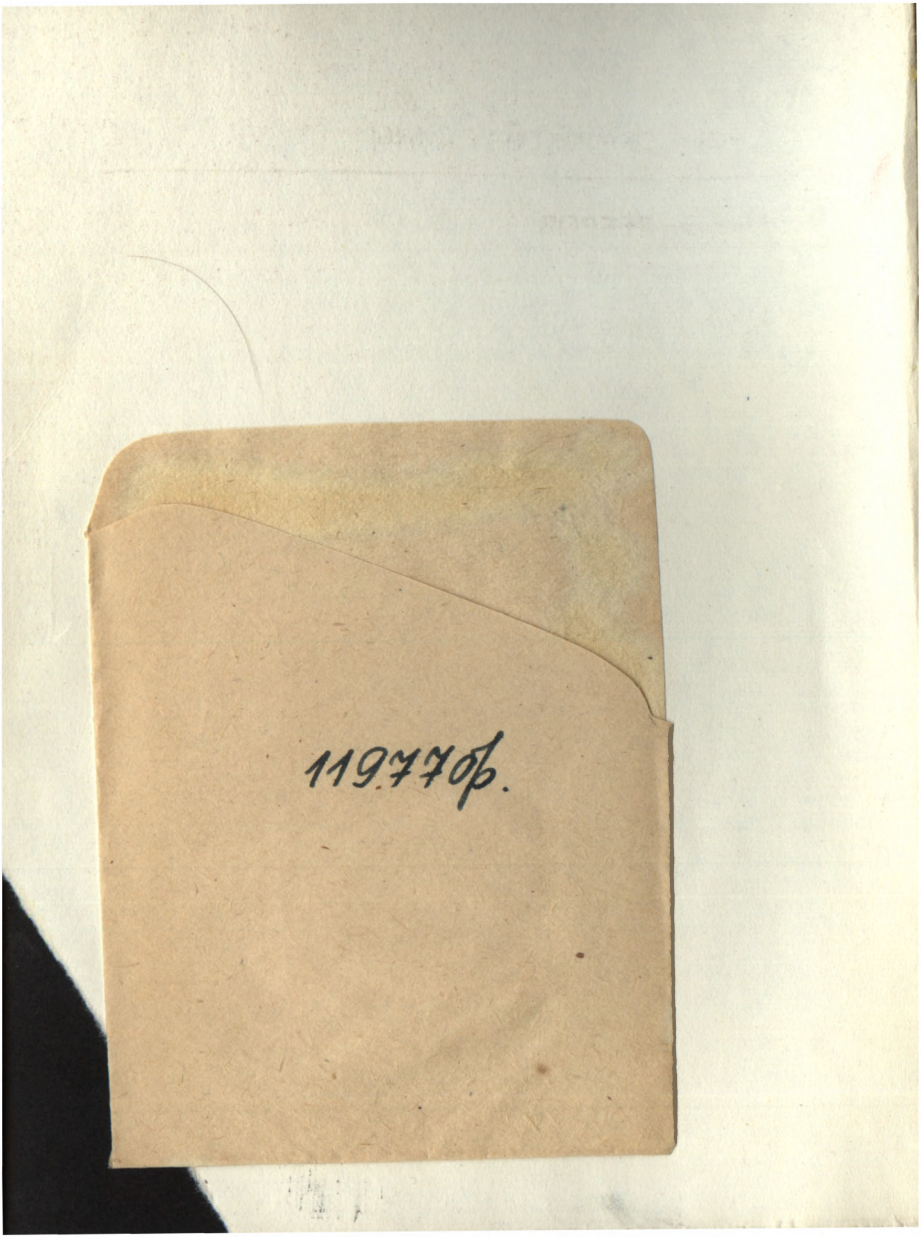
629.78
Р 317

Михаил РЕБРОВ

НАД ПЛАНЕТОЙ ЛЮДЕЙ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ


11977ob.

629.78
Р317

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Михаил РЕБРОВ

НАД ПЛАНЕТОЙ ЛЮДЕЙ

779 77 бр.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

После просмотра источника информации (книги, журналы и т. д.) зачеркните очередную цифру.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16		
17	18	19	20	21	22	23		
24	25	26	27	28	29	30		
31	32	33	34	35	36	37		
38	39	40	41	42	43	44		
45	46	47	48	49	50			

Мос

НТБ п/я 1-4149

39.6
Р31

Содержание

Мечта (Вместо пролога) 8
Первый космический отряд 8
Путь к Байконуру 21
Ночь перед стартом 49
Над планетой людей 62
Работа без выходных 76
Программа ЭПАС 86
Диалоги спустя годы 102
Верность (Вместо эпилога) 108

Ребров Михаил Федорович

Р31 Над планетой людей.— М.: Политиздат, 1980.—112 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Эта книга о дважды Герое Советского Союза А. А. Леонове, космонавте, который первым из землян вышел в открытый космос, был командиром советского корабля во время первого международного космического рейса «Союза» и «Аполлона»; о трудном пути в космос, о силе духа и верности мечте. Написал ее журналист, лауреат медали С. П. Королева и диплома имени Ю. А. Гагарина.

Р $\frac{\text{10604—116}}{\text{079(02)—80}}$ 208—80 36070000 **39.6**
6Т6(09)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. Г. Беляева*
Младший редактор *И. А. Дегтярева*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 1675
Сдано в набор 01.11.79. Подписано в печать 31.01.80. А08132. Формат 70 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,25. Учетно-изд. л. 4,81. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 4449. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

Мечта
(Вместо пролога)

— «Заря»! Я «Алмаз-один». Человек вышел в космическое пространство! Человек вышел в космическое пространство!

Эти слова прозвучали над планетой людей 18 марта 1965 года.

Это был естественный итог воплощения дерзновенной мечты человечества, итог развития человеческой мысли на протяжении тысячелетий и вместе с тем итог более короткого и конкретного этапа в освоении Вселенной, который имел свое начало и продолжение.

...В ту ночь Алексею не спалось. Тихо били часы в соседней комнате. Он хотел сосчитать удары, но сбился. Осторожно ступая, чтобы не разбудить жену и дочь, вышел в коридор, постоял немного. Спать не хотелось.

«Позвонить Павлу Ивановичу? Поздновато. А может, и он не спит?..»

Алексей подошел к окну. Ночное небо отдавало синевой. Дом напротив смотрел слепыми глазницами потухших окон. Над его крышей повис одинокий серп луны. Белая простыня снега покрывала землю. Тишина. Все спят.

Он зажег настольную лампу и стал читать. Сколько раз читал он эту книгу — научно-фанта-

стическую повесть К. Э. Циолковского «Вне Земли»! Казалось, наизусть знал целые страницы, но так и не смог привыкнуть к мысли о том, что написанное в ней уже перестало быть фантазией.

Алексей стал перечитывать подчеркнутые места. Хотелось еще и еще раз проследить за мыслью гения, прикоснуться к дерзкой мечте, которая начала обретать реальные, но пока земные контуры.

«— Я объясню их устройство,— сказал Иванов, показывая спутникам одежду и снаряды, которые они с любопытством рассматривали...

— Со временем,— начал Иванов,— придется еще спускаться на планеты, в негодные для дыхания атмосферы,— негодные или вследствие особого состава их, или вследствие чрезмерной их разреженности. Чтобы жить в пустоте, в разреженном или негодном газе, нужна одна и та же специальная одежда. Вы ее видите. Она облекает все тело с головой, непроницаема для газов и паров, гибка, не массивна, не затрудняет движений тела; она крепка настолько, чтобы выдержать внутреннее давление газов, окружающих тело, и снабжена в головной части особыми плоскими, отчасти прозрачными для света пластинками, чтобы видеть. Она... соединяется с особой коробкой, которая выделяет непрерывно под одежду кислород в достаточном количестве. Углекислый газ, пары воды и другие продукты выделения тела поглощаются в других коробках... Всех запасов хватает на восемь часов, и вместе с одеждой они имеют массу не более десяти килограммов. Но, впрочем, тут ничто не имеет веса. Скафандр, как увидите, даже не обезображивает человека.

...Их снабдили всем необходимым, и одного из них замкнули в очень тесную камеру вроде футляра. Для этого сначала отворили внутреннюю поло-

вину этого шкафа, потом герметически закрыли ее и быстро вытянули из футляра оставшееся ничтожное количество воздуха, чтобы не пропадала его и капля...

...Когда открыли наружную дверь и я увидел себя у порога ракеты, я обмер и сделал судорожное движение, которое и вытолкнуло меня из ракеты. Уж, кажется, привык я висеть без опоры между стенами этой каюты, но когда я увидел, что подо мною бездна, что нигде кругом нет опоры, со мной сделалось дурно, и я опомнился только тогда, когда вся цепочка уже размоталась и я находился в километре от ракеты — она виднелась по направлению цепочки в виде тонкой белой палочки... Я скорей потянул за цепочку и быстро полетел домой. Понемногу я успокоился, особенно когда увидал себя вблизи ракеты...»

Алексей захлопнул книгу. Вспомнился разговор с Главным конструктором.

...Группа космонавтов приехала в конструкторское бюро знакомиться с новым кораблем. Они знали, что предстоит новая сложная работа, что поручат ее кому-то из них. Но кому?

В зале кроме космонавтов собралось много специалистов. Сергей Павлович Королев не торопился начать разговор, дал возможность освоиться с обстановкой. Потом подробно рассказал о замысле и задачах очередного полета. Алексей жадно ловил каждое слово Главного. Когда Королев закончил, их взгляды встретились.

— Леонов, наденьте скафандр и произведите выход из кабины в шлюз и на площадку.

Алексей растерялся: «Не ослышался ли?» Но Сергей Павлович подтвердил:

— Да-да, я вам предлагаю, Леша...

Он долго надевал скафандр. От торопливости и волнения не все получалось сразу. Досадовал на себя. Потом сумел собраться: понимал, что от него ждут не просто показа, но и заключения об опробовании системы.

— Будем считать это началом,— подвел итог Главный после доклада Леонова.

...Алексей снова раскрыл книгу. И снова вспомнились слова Королева: «Пусть первым учебником для вас будет книга Циолковского».

Действительно, гениальный провидец будто расшифровывает замысел Главного конструктора. Поражало, как много сумел предвидеть учитель из Калуги, с какой скрупулезностью проверял догадки и гипотезы. Долог путь от мечты к дерзанию, множество задач надо решить, прежде чем человек сможет выйти из летящего корабля и крикнуть: «Дай руку, Космос!»

...Часы приглушенно пробили пять ударов. Серп луны куда-то исчез. В доме напротив чьи-то окна наполнились неярким светом. Но по-прежнему царила тишина. Казалось, с далеких планет опустилась она на Землю и мягко легла на крыши домов.

До марта 1965 года оставалось более года.

По-разному приходят к людям слава, известность, почет, по-разному складываются их судьбы. Праздничное ощущение удачи, победы над сопротивляющимся, гордое «Я могу!» зовут сильных идти дальше, слабым — кружат голову. Тот, о ком я хочу рассказать, на вопрос: «Опять что-то затеял?» — обычно отвечает словами поэта Кайсына Кулиева:

Люди, не можем достичь мы предела:
Лучшее слово и лучшее дело —
Все еще впереди,
Все еще впереди...

Не стану предугадывать, что еще впереди у космонавта Леонова, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора авиации, заместителя начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Но знаю наверное, что завтра у него будет таким же рабочим, как и сегодня. Разве что по времени все будет «уложено» плотнее.

Иногда мне кажется, что многое в своем неуемном характере Алексей Архипович выработал сам. Но он опровергает это горячо и резко. Есть в нем строгое понимание того, что все в его характере, в сегодняшних позициях — от настоящих людей, интересных, твердых, которых щедро давала ему жизнь в учителя, в командиры, в друзья. Отсюда и один из самых сильных мотивов его жизни — стремление быть достойным уважения и надежд этих людей.

Говорят, что о человеке можно безошибочно судить по тому, как он вел себя в трудные, критические моменты своей жизни. Таких моментов у Алексея Леонова было немало. Впрочем, все по порядку.

Первый космический отряд

Зима 1960 года. Январь выдался ветреным и прохладным. Небо чуждо серело, ветер, перемешанный с мокрым снегом, бил в окно почти беспрерывно.

Сколько времени он уже в госпитале?.. Скоро неделя, долгая, тягучая. Она отодвинула в прошлое родной полк. Там остались товарищи, с которыми вместе летал, спорил о будущем авиации. Осталась и Светлана... А впереди — бесконечные медицинские обследования. Врачи будут придирчиво проверять «устойчивость организма к факторам, характерным для космического полета». И приговор строгих медиков «обжалованию» не подлежит.

Мысли прервал скрип двери. В палату вошел молодой парень. Вошел уверенно и свободно, словно был он здесь не новичком, а отлучившимся ненадолго старожилом. Огляделся деловито, улыбнулся и, протянув Алексею руку, представился:

— Гагарин. Юра.

Оказалось, что они одногодки, что схожи их биографии, что даже летают они на машинах одного типа. Разговор непроизвольно перешел к «придиркам» медицинской комиссии.

— Некоторые говорят,— поделился сомнениями Алексей,— что комиссия обязательно находит какую-нибудь зацепку и можно не только с космосом, но и с авиацией распрощаться.

— Пустые разговоры,— успокоил Юрий.— Собрали нас не для того, чтобы рубить всех под корень. Кого-то отберут, оставят. А вообще, мне нужно по-

скорее разделаться со всем этим делом и вернуться домой — там жена, дочка, самолеты...

Случилось так, что их направляли на прием к одним и тем же врачам, и они ходили вместе, продолжая разговор о главном в жизни — о зове неба, о пути к мечте, о будущем. Через день-два они знали друг о друге все.

Между тем брать медицинские барьеры становилось все труднее. Каждый день из госпиталя уезжали ребята, перед которыми опустили врачебный шлагбаум. Расставания были безрадостными. Тревога и надежда владели оставшимися, но главными были целеустремленность, упорство и воля.

Вращение на центрифуге, «подъемы» и «спуски» в барокамере, обследования с помощью биохимических, электрофизиологических, психологических и других методов, специальные функциональные пробы... И так день за днем. Но были и моменты «разрядки», веселые байки, молодой задиристый хохот в ответ на добрую шутку. Тон задавал Юрий:

— Не стоит бояться всего этого. Согласен: барокамера не санаторий. Но нечего перед ней шею гнуть. Надо соображать, шевелить мозгами, а не ушами хлопать. У меня, к примеру, был такой случай...

И шел рассказ про Север, про полеты, про жаркие хоккейные баталии. Шутками, присказками он снимал напряжение, отвлекал от трудных мыслей, помогал выдерживать все испытания.

Алексею казалось, что он всю жизнь знал этого доброжелательного, неунывающего человека, рядом с которым было легко и просто.

Близился день, когда комиссия должна была подвести итог. На одном из последних заседаний Алексею Леонову объявили:

— Вы зачислены в отряд космонавтов.

Это было сказано без излишней торжественности. Просто и коротко. Словно речь шла о самом обычном. Но для Алексея «зачислен» означало много больше: он прошел через все испытания!.. Слов председателя о том, что и как ему делать, пока придет вызов, он уже не слышал. Встал, отчеканил: «Все понял!» — и сообразно с воинским уставом твердым шагом направился к двери.

— Ну, что? — с тревогой и нетерпением вопрошали и те, кто уже знал решение своей судьбы, и те, кому еще предстояло томительное «либо-либо».

Голоса товарищей пробивались сквозь овладевшее им усталое оцепенение. Он молча стоял в тесном кругу ребят, счастливый от сознания того, что мир так полон света и красоты.

— Сказали: «Возвращайся в полк и жди вызова».

Алексей вышел на улицу. Очищенные от снега аллеи блестели мокрым асфальтом. Деревья украсились причудливыми ледяными сережками. Как хороша московская зима...

Вчера еще они проходили последние медицинские обследования, а сегодня предстоял обстоятельный разговор о том, что ждет их впереди, что они будут делать, к чему себя готовить.

Группу молодых летчиков, прошедших все этапы отборочных комиссий, перед отъездом в отряд космонавтов принимал главком ВВС Герой Советского Союза К. А. Вершинин. Старшему лейтенанту Леонову впервые в жизни довелось беседовать с Главным маршалом авиации. Много лет будет сохранять Алексей в памяти слова седовласого маршала, полные особого смысла...

— Вы зачислены в отряд космонавтов.— Главком внимательно посмотрел на каждого из сидевших перед ним молодых офицеров.— Не будем гадать, что вас ждет впереди. Естественно, будущее кажется вам интересным: необычная работа, новая техника, заманчивые перспективы... Но в любом деле нельзя надеяться только на праздники. Думаю, что новая профессия потребует упорных занятий, что будет трудно. Иногда даже очень трудно. Но и очень интересно тоже...

Он словно рассуждал, стараясь представить их будущую работу. Главный маршал снова сделал паузу.

— Каждое новое дело — сложное. Это важно понять в самом начале. И еще скажу я вам, товарищи офицеры: придется отказаться от многих соблазнов, в большом и малом отстаивать честь и доверие. Сможете? Подумайте. Лучше отказаться сейчас, чем отступить потом, растеряв себя или испугавшись трудностей...

Алексей слушал. И все отчетливее понимал, что предстоящее более серьезно, чем казалось.

Но осмысливание предстоящего рождало уверенность: «Смогу!» С детства приученный к мысли, что ничего не дается в жизни без напряженной работы — ни радость познания, ни обыкновенный кусок хлеба,— Алексей привык полагаться на собственные силы и потому привык верить в себя, не рассчитывая на лотерейные билеты счастья. Он знал, что выдержит все испытания, которые встретятся на его пути.

...Сейчас он вспоминает ту беседу с маршалом не как эпизод в своей космической биографии. Он сопоставляет ее со временем. А время было удивительно насыщенным. Тысячи и тысячи молодых

людей писали заявления, высказывали готовность к любым испытаниям, к полету на спутнике. Да и само это слово «спутник» сразу стало крылатым. Его произносили с восторгом, тревожно, радостно или озабоченно. Уже на втором спутнике взлетела в звездную высь Лайка, на третьем вывели на орбиту тяжелую научную лабораторию со множеством приборов... Потом ракеты устремились к Луне. И стало ясно, что следующий этап будет еще сложнее.

Из сотен и тысяч увлеченных мечтателей, одержимых идеей полета к звездам, жаждущих принять участие в делах необычных и трудных, отобрали немногих. Принцип отбора сформулировал С. П. Королев: «Для этой цели более всего пригоден летчик, и прежде всего летчик-истребитель. Это и есть универсальный специалист. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер. А будучи кадровым военным, он обладает необходимыми морально-волевыми качествами, его отличают собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели».

Первый отряд космонавтов... Им предстояло начинать. Космос нужно было изучать всерьез. Но узнать космос можно только в космосе.

Люди по-разному относятся к удивительным событиям века. Кто-то гордится ими, как своими достижениями, иногда вполне законно. У других они вызывают взрыв восторга на день-два. Третьи ахнут, а потом бессильно вздохнут: «Есть же смелые и талантливые люди...» Алексей Леонов принял запуск первого спутника как вызов лично ему и всем его двадцати трем годам. Он понял: небо выбрал не зря, и в летную школу пошел по призванию, и в училище тоже. Он полюбил небо, зоревые всполохи на рассвете, отбеленную синь в знойный полдень, когда

оно переливается и дрожит в перезвоне жаворонков... Он мог подолгу любоваться огненными закатами, а ночью всматриваться в далекие огоньки звезд и мечтать... Ничего нет на свете сильнее человеческого разума! Разум проложил путь в небо, потом и в космос, помог преодолеть извечное тяготение Земли... Разум сделает возможным переселение человека на другие планеты, откроет новые источники энергии...

И во всей этой грандиозной работе останется частица и его труда...

Серые дни с холодными северными ветрами сменились солнечными, по-весеннему светлыми. Снег почернел, стал ноздреватым.

В один из таких дней произошла первая встреча будущих покорителей космоса с Главным конструктором легендарного «Востока». Знакомясь с каждым из них, Сергей Павлович Королев откровенно внимательно вглядывался в лицо того, кого ему представляли, крепко пожимал руку, повторял фамилию, имя и отчество и представлялся сам:

— Очень рад. Будем знакомы. Королев...

Алексей смотрел на Главного, не в силах скрыть внутреннего любопытства и чисто мальчишеского восторга, которое вызывал у него человек, создавший первый спутник и лунные ракеты. Первое впечатление от этого знакомства складывалось как-то неопределенно. Среднего роста, коренастый, чуть сутуловатый мужчина лет пятидесяти пяти. Голова с высоким, открытым лбом, темные волосы. Костюм плотно облегал широкие плечи, подчеркивая наступающую полноту. Говорил он отрывисто, после каждой фразы поднимал глаза на собеседника. Сказать

о нем «подвижен»,— значит, ничего не сказать. Казалось, будто он одновременно находился и здесь, в своем кабинете, и где-то еще, где решались более важные дела, чем эта встреча. Нет, он не был рассеян. Напротив, его внимание гипнотизировало всех, заставляло быть собранными, мыслить и отвечать конкретно. Манера вести разговор, сама постановка вопросов, которые он задавал собравшимся, его суждения — немногословные и очень определенные — подчеркивали, что этот человек умеет ценить время и разговор просто «по поводу» его не интересует.

В рабочем кабинете конструктора ничто не подчеркивало необычность решаемых в КБ задач. Только огромных размеров глобус на откатываемой подставке да портрет Циолковского над письменным столом говорили о делах «внеземных».

Пригласив всех гостей занять места за большим, затянутым коричневым сукном столом, Королев еще раз внимательно взглянул на каждого из присутствовавших и несколько торжественно начал:

— Сегодня знаменательный день. Вы прибыли к нам, чтобы увидеть, а затем освоить первый пилотируемый космический корабль. Мы же впервые принимаем у себя главных испытателей нашей пилотируемой продукции... Но прежде чем вы увидите корабль, давайте немного помечтаем вслух... Скоро вы сами почувствуете, как это помогает нашему делу.

Академик умел мечтать и заглядывать далеко вперед. Он говорил о гигантских ракетах, орбитальных станциях, работе в открытом космосе, о выполнении больших народнохозяйственных программ. В звездные дали уходили чудо-звездолеты, люди преодолевали огромные расстояния, использовали энергию Солнца, учились извлекать пользу из космического вакуума и невесомости...

Алексей жадно ловил каждое слово Королева, а в голове билась мысль: «Нет, ученых нельзя называть фантастами. Они любят точность и живут предвидениями. Стремясь обогнать время, они рисуют не сказочные перспективы, а вполне реальные планы, обоснованные и подкрепленные техническими выводами, математическими выкладками...»

— Ну а пока,— закончил Сергей Павлович,— все очень скромно: полетит только один человек, и только на трехсоткилометровую орбиту, и только с первой космической скоростью. Зато полетит кто-то из вас — первым может стать любой. Поэтому готовьтесь! Летать вы будете не на самолетах, а на принципиально новых аппаратах. Сейчас вы их увидите.

Главный конструктор пригласил пройти в цех, где велись монтажно-сборочные работы.

В огромном светлом зале в два ряда выстроились серебристо-белые шары. В хитросплетении труб и разноцветных проводов работали сборщики. Люди в белых халатах, как врачи, вплетали в тело корабля его «нервы» — сложную электронику, которая позволит ему видеть, слышать, держать связь с Землей, выполнять команды ее и пилота.

Шары были большие — метра два или чуть больше в диаметре. Чем-то таинственным казались они в этом просторном зале, где все светилось чистотой, где дышалось легко, а голоса звучали приглушенно.

«Шариков много,— подумал Алексей,— пожалуй, на всех хватит».

— Как видите, не боги горшки лепят,— пошутил Главный конструктор,— не боги их и обжигать будут,— и закончил серьезно, без улыбки: — На этой технике вам летать. Смотрите, изучайте, предлагайте свои варианты.

Будущие пилоты космического корабля расспрашивали о системе управления, о герметизации и теплозащите, об устройстве катапультируемого кресла, о системах, обеспечивающих безопасность полета. Неясностей было много... Особенно активно задавали вопросы Владимир Комаров и Юрий Гагарин. Отвечая на их бесконечные «что» и «как», Сергей Павлович Королев предложил:

— Наверное, одних слов мало. Думаю, найдутся желающие и посидеть внутри?..

Летчики на какие-то мгновения растерялись. Королев не торопил. Алексей хотел было уже шагнуть вперед, как первым прервал молчание Юрий Гагарин:

— Разрешите? — спросил он Главного конструктора.

Через минуту Гагарин исчез внутри шара.

По очереди в корабле побывали все. Конечно же это был не самолет. Многое казалось непонятным и непривычным. Иное кресло, иное оборудование, множество кнопок, переключателей... Но не это удивляло. Алексей всем сознанием ощутил другое: корабль для космических полетов реально существует, он есть, он уже почти готов, значит, скоро...

Королев наблюдал за ребятами, всматривался в лица, прислушивался к репликам, но ни о чем не спрашивал. Оживление внес Гагарин. Как бы опережая вопрос, который должен был быть задан, он простодушно и уверенно сказал:

— Постигнем.

Королев пристально посмотрел на улыбчивого старшего лейтенанта и тоже не сдержал улыбки. Его, видимо, удовлетворило это гагаринское «постигнем», и он терпеливо ждал, когда все познакомятся с «Востоком».

Прощаясь, Сергей Павлович подарил каждому по шкатулке. Внутри деревянного футляра на синем бархате лежали блестящие металлические пятиугольники — точная копия советского вымпела, который покоился на Луне, в районе западной окраины «моря» Дождей. Мысль Главного была проста: пусть эти юноши почувствуют дыхание космоса...

Каждый день отряда был расписан по минутам и насыщен теоретическими и практическими занятиями. Теоретическая программа включала лекции по технике, медицине, биологии, астрономии, геофизике. Практика — занятия на тренажерах и стендах, полеты на самолетах, прыжки с парашютом. В учебном расписании каждого дня неизменно повторялась физическая подготовка.

Курс теоретических занятий в отряде вели инженеры конструкторского бюро К. П. Феоктистов, В. И. Севастьянов, Г. М. Гречко. Константин Петрович Феоктистов был одним из создателей «Востока», свое детище очень любил, рассказывал много интересного, связанного с конструкторскими поисками.

Алексей по-своему воспринимал конструкцию «Востока». Его интересовал не только сам принцип, заложенный в устройство и системы корабля, но и причины возникновения той или иной технической идеи. Почему, скажем, шар, а не остроносый снаряд? Почему старт вертикальный, а не наклонный? Почему запуски ракет к Луне опередили полет человека в околоземном пространстве? И он узнал, как еще в 1957 году, после запуска первого спутника, С. П. Королев разработал перспективный план развития отечественной космонавтики на ближайший период. Он считал, что первый полет человека за

11977 Оф.

НТБ п/я Г-4149

пределы Земли может быть осуществлен в 1964—1965 годах. Группа инженеров-конструкторов получила задание исследовать этот вопрос. Были сделаны первые конструкторские прикидки, расчеты. Вначале спорили о характере полета: каким он должен быть — баллистическим или орбитальным?

Советские ученые и конструкторы выбрали второй вариант, ибо осуществление полета по баллистической траектории не сыграло бы существенной роли в решении основных проблем космоплавания. Достаточно сказать, что состояние невесомости при таком полете исчисляется всего лишь несколькими минутами.

В апреле 1958 года, за год до того, как начался отбор кандидатов в первый отряд, конструкторы пришли к твердому заключению: первый космический рейс человека можно осуществить раньше 1964 года. Именно в тот период были разработаны основные принципы создания корабля, требования к нему.

В мае 1958 года группа разработчиков доложила Сергею Павловичу результаты исследований, представила эскизы-чертежи и расчеты. Королев придирчиво анализировал варианты, многое «браковал», прежде чем поддержал то, что ему казалось оптимальным, и со свойственной ему энергией и энтузиазмом включился в работу по реализации замысла.

И вот параллельно с созданием летного образца «Востока» в учебном макете корабля уже занимаются те, кому предстоит испытать его в полете, проникнуть в космос. Они знают, что ждет их не увеселительная «звездная прогулка», а работа, которая потребует от каждого упорства и воли, напряжения духовных и физических сил и, конечно, глубокой теоретической подготовки. Они упорно готовились к штурму космоса. Без ропота и возражений прохо-

дили одно испытание за другим, а инструкторы и врачи давали им зачастую нагрузки, которые были значительно большими, чем те, что ожидались в полете.

В один из летних дней в Звездный городок приехал Королев. Молча и сосредоточенно ходил он по лабораториям и классам, заглянул в зал, где стоял учебный корабль, побывал на занятиях по физической подготовке. Не все ему понравилось. Сергей Павлович хмурил брови, плотно сжимая губы. Все, что ему поясняли, выслушивал внимательно. Осмотрев хозяйство городка, Главный конструктор заключил:

— Все, что зависит от нас в смысле техники, мы делаем, и делаем надежно, с перспективой. Теперь очередь за вами. Успех принесет лишь целенаправленный труд, умноженный на старания и выдержку. Вот и проявите вашу целенаправленность...

Королев хотел, чтобы тренировки шли не по узкой программе краткосрочного полета, а включали элементы, которые будут нужны для широкого «обживания» космоса. Он советовал создавать новые классы и лаборатории, больше заниматься теоретическими проблемами. «Копать надо глубже» — таков был лейтмотив его суждений.

Ему не возражали, но ссылались на трудности. С чем-то он соглашался, с чем-то нет.

— Ну а как чувствует себя наша молодежь? — спросил Королев, давая понять, что свою точку зрения на организацию занятий он высказал.— Хочу потолковать с ребятами.

Когда пришли будущие космонавты, Сергея Павловича словно подменили. Он с интересом расспрашивал их о занятиях, тренировках, настроении. Шутил, вспоминал эпизоды из своей летной практики:

— Да ведь и я из авиационного гнезда,— с подчеркнутой гордостью говорил Главный конструктор.— Немало годков авиации отдал. Да и теперь, как видите, не расстаюсь с ней...

Разговор был продолжительным. Сергей Павлович хотел послушать ответы и суждения каждого. Выслушав, задавал вопросы, уточнял, детализировал. В заключение пригласил космонавтов почаще бывать на предприятии, где создаются космические корабли.

— Это нужно для дела. Вникать, анализировать, подмечать, вносить предложения. Словом, быть не гостями, а участниками решения нашей общей задачи.

Они чувствовали себя участниками решения сложнейших проблем и в беседе с Главным. Он умел ставить вопросы так, словно советовался с ними, проверял правильность своих суждений, побуждал их мыслить и открыто и непосредственно радовался умному ответу, интересной мысли. Алексей не мог оторвать взгляда от лица Главного — его глаза излучали столько доброты, тепла, заинтересованности в беседе с ними, молодыми, делающими первые шаги в неизведанное... Хотелось ответить ученому не только искренностью, но и знаниями, умением мыслить, пониманием предстоящих задач, сложностей и ответственности.

Уезжал Главный в хорошем настроении.

— Замечательный вы народ! — сказал он, прощаясь.— С вами готов в огонь и в воду, а не то что на космическую орбиту. Сегодня мне и самому удалось подзарядиться от вашего молодого задора. То ли еще будет, когда начнем летать!..

Все было очень непросто.

В учебно-плановом отделе снова и снова пересматривали расписание занятий, что-то добавляя, что-то исключая. Теоретические дисциплины вплетались в сложный узел программы подготовки той основой, на которой держалось все остальное. В часы самоподготовки, читая конспекты или «толстенные» учебники, Алексей стремился проникнуть в существо каждого факта, явления. Он чувствовал, что у входа в те «вселенные», куда они стремятся попасть на правах «жителей», расставлены некие стражи, которые препятствуют этому проникновению. И суть в том, какого же свойства эти кордоны и как их преодолеть...

Между тем дни тянулись чередой, принося новые ощущения, неожиданные и не всегда понятные.

Начались специальные тренировки: испытания в сурдокамере, в царстве абсолютной тишины, на стремительно вращающейся центрифуге, в термокамере с обжигающим воздухом и изнуряющей жарой, на самолетах, где создавалось удивительное состояние невесомости...

«Сурдо»... Трудно было в этой одиночке. Тишина не успокаивала, а, напротив, заставляла быть в напряжении, сиюминутном ожидании: что же будет дальше? Мигание сигнальных лампочек и сирена — словно удар по нервам. И Алексей, вздрагивая от неожиданности, вступал в короткую и яростную схватку с «раздражителями». Нервы быстро успокаивались, сознание обретало ясность, и он принимался за работу, которая предписывалась программой испытаний.

«Врачи выковывают в нас несгибаемость»,— шутили ребята. Алексей вспоминал об этом, находясь наедине с самим собой. Теряя ощущение времени, он заставлял себя быть расслабленным, полагая, что именно это умение «отключиться» — его союзник в единоборстве с камерой тишины.

Да, недюжинные мужество и выдержка требовались от человека в этом испытании. И честолюбие, и преодоление себя, и тяжкий труд ради будущей работы, труд, в котором не разграничиваются дни и ночи. И сколько таких дней и ночей!

По-разному каждый из них привыкал к тишине, по-своему реагировал на невесомость и испытание перегрузками, переносил термокамеру. Не сразу приходило умение владеть собой и сохранять работоспособность в непривычных условиях, не сразу появилась уверенность в своих возможностях.

Есть у Алексея Леонова тетрадка в коричневом дерматиновом переплете. В ней записи, короткие и длинные, о друзьях-товарищах, буднях учебы и тренировках, о времени и о себе. Это дневник космонавта. Не всегда он вел его регулярно. Но все-таки заполненные страницы помогают лучше понять многое из жизни Звездного городка.

С некоторыми страницами из этой тетради Алексей Архипович разрешил познакомить читателей.

Сурдокамера, центрифуга, барокамера, прыжки с парашютом, тренировочные стенды — все было обязательным и одинаково важным для нас. Мы не знали, кто полетит первым, кто вторым, кто третьим, и потому все работали дружно, настойчиво, серьезно...

Владимиру Комарову и Павлу Беляеву легче дается теория, кроме всего прочего, еще и потому,

что за плечами у них высшее образование, без которого, если прямо смотреть правде в глаза, в космонавтике делать нечего...

Ребята в отряде подобрались замечательные. Родные души. Есть лирики, есть физики. Есть весельчаки, есть мыслители, но все — мечтатели и работают отменно. Но не все открытые. Есть склонные к замкнутости и смущению. Разная у нас психология переживания, а вот «темнил» нет. И это хорошо. Уж лучше самое наивное и даже несправедливое возмущение непонятным и трудным, нежели вымученное согласие со всем.

Я не помню случая, чтобы кто-нибудь сорвался, нагрубил товарищу, чтобы кто-то кого-то обидел. А ведь нам приходилось решать и спорные вопросы, требующие нелицеприятного обсуждения. Однако эти споры были не из числа тех, что кончаются разладами и склоками. В наших — рождалась истина...

...С увлечением читаем словно бы адресованные непосредственно нам замыслы провидца из Калуги. У Циолковского все так просто... А как будет на самом деле? Суждения разные.

...Вступили в новый год. Программа подготовки все усложняется. Частенько приходится приналечь, позаниматься покрепче, посидеть попозже над книгами и чертежами. Забуксовал — тебя ждать не будут. Время! Да и краснеть на зачетах не хочется.

...Работы чертовски много. Каждый день учеба, тренировки, парашютная подготовка, полеты... А потом — зачеты и экзамены.

...Сегодня были на предприятии. Там времени зря не теряют. И еще — о Королеве: необыкновенный человек! До мельчайших деталей знает дело, все подмечает, быстро и правильно оценивает обстановку. У него масса идей— интересных, поражающих своей грандиозностью...

Первая встреча с Байконуром. Ее ждали. Каков он, космодром планеты? Как запускают космические ракеты? Что представляет собой так называемый наземный комплекс?

25 марта 1961 года. На стартовой площадке шли последние приготовления. Огромная металлическая колонна, местами белесая от инея, начиненная тысячами приборов и устройств, с космическим кораблем, запрятанным под обтекатель в остроголовой вершине, словно дышала кислородным испарением.

Алексей наблюдал за искрящимися на фоне голубого неба кристалликами. А небо, прозрачное и легкое, казалось в эти минуты бездонным, поющим и удивительно легким. Трудно было поверить, что где-то там, куда устремилась вершина ракеты, эта голубизна кончается и начинается чернота. Густая, молчаливая... Поражало и другое: всего минуты нужны ракете, чтобы «проткнуть» голубой купол неба и вырваться в бескрайнюю черноту космоса. Всего минуты. А сколько веков человечество ждало этих минут!..

Время перед стартом тянется медленно, томительно. Звенящим тембром звучат в динамике слова руководителя стартовой службы:

— Ключ на старт!

Алексей перестал дышать, напрягся.

— Впереди еще много команд,— заметил стоящий рядом инженер, словно угадав его состояние.— Сейчас вступит в действие автоматика запуска. И уже потом...

— Протяжка один! — прозвенел динамик.

— Включились наземные средства телеметрического слежения за обстановкой на борту,— пояснил инженер.

— Продувка!..

В сложном организме ракеты начался новый цикл. Инертный газ под давлением мгновенно вытеснил из всех магистралей воздух. «Стартовики идут точно по программе»,— услышал Алексей голос соседа, и тут же прозвучала новая команда:

— Ключ на дренаж!

Значит, сейчас прекратится подпитка ракеты компонентами топлива, закроются дренажные клапаны...

В динамике продолжали звучать команды:

— Протяжка два!..

Автоматика четко делала свое дело. Включились все средства измерения старта.

— Зажигание!

— Теперь смотри,— снова услышал Алексей голос инженера.

Глаза устремились в одну точку. С площадки наблюдения было видно, как отошла от ракеты кабель-мачта. У основания громадной колонны заметались яркие блики. Начался процесс воспламенения.

— Промежуточная! — отозвалось в динамике.

И тут же вспыхнул слепящий смерч. Вскипели взбушевавшейся силой клубы бело-серого дыма. На землю обрушился и покатился во все стороны по степи нарастающий гул.

Под таким «прессом» острота восприятия повышалась. То, что ощущал Алексей, было сильным и двойственным. С одной стороны, и комок в горле, и слезы на глазах от восторга, а с другой — сомнение: на самом ли деле все это?..

— Подъем!..

Но что это? Ракета оставалась неподвижной. Она лишь дрожала, возвышаясь над половодьем огня и дыма. Наконец медленно, очень медленно начала отходить от стартового стола. Потом — быстрее. Гул

сменился оглушительным треском. Языки пламени острыми кинжалами пульсировали у хвоста ракеты.

— Тридцать секунд. Полет нормальный,— сообщил информатор.— Сорок секунд...

Ракета уходила ввысь, превращаясь в яркую светящуюся точку. Гул постепенно смолкал, и только голос в динамике продолжал вести отсчет:

— Сто двадцать секунд. Полет нормальный.

Потом звучали слова о разделении, сбросе обтекателя. И вот торжественное:

— Корабль вышел на орбиту!..

Алексей не скрывал своего восторга:

— Потрясающее зрелище! Трудно сказать, чего в нем больше — красоты или грандиозности.

На борту корабля были двое: четвероногий лохматый космонавт по кличке Звездочка и манекен, облаченный в настоящий скафандр и закрепленный в пилотском кресле,— «Иван Иванович». Алексей вспомнил недавний просмотр. Им показывали пленку с отснятым стартом ракеты с животными. Было хорошо видно, как в момент включения двигателей ракеты собаки испуганно смотрели в днище кабины, прислушиваясь к непривычному шуму. Одна из них уперлась лапами, стараясь пересилить давящую тяжесть перегрузки. Потом собаки повисли в кабине. Нет, они не дергались, не барахтались. Животные казались мертвыми. Потом чуть оживились. Та, что звали Белкой, стала лаять. Вторая — Стрелка — попрежнему оставалась испуганной. А как перенесет старт человек?..

Предполагать можно было все что угодно. Нужна была проба. Но сначала...

Ребята оживленно обсуждали увиденное, когда подошел Королев и довольно спросил:

— Ну как запуск? Первый сорт?

Перебивая друг друга, они высказывали впечатления от увиденного. Королев слушал, не перебивал.

— А главный вывод каков? — обвел он всех испытывающим взглядом.

Наступило молчание. Королев, как всегда, не торопил с ответом.

Никто не решался начать первым. В вопросе Главного был какой-то скрытый смысл.

— Совсем скоро, друзья, вот так же будем провожать в космос одного из вас.

Сергей Павлович сделал паузу, чтобы увидеть реакцию на свои слова.

— Не беспокойтесь, всем дела хватит. Полеты только начинаются, и все вы будете первыми, только каждый в чем-то принципиально новом, своем...

Корабль-спутник завершил виток вокруг планеты и готовился к спуску. Королева позвали к телефону.

«Ну вот,— подумал Алексей,— теперь хоть видел, как все это происходит на самом деле...»

Два барьера стояло на пути человека в космос. Первый — земное тяготение, которое Циолковский называл устрашающим. Его преодолели. Вехи штурма этого барьера определяют две даты: 4 октября 1957 года — запуск спутника на орбиту и 2 января 1959-го — старт ракеты к Луне.

Второй барьер — возвращение с орбиты, обратный путь к Земле. Он был преодолен в августе 1960 года, когда второй корабль-спутник с животными на борту был испытан по полной программе: вывод на орбиту, управление полетом, торможение и отделение герметической кабины перед спуском и, наконец, спуск и приземление.

С мая 1960 года осуществили пять пробных пусков, причем четыре — с подопытными животными. Это был очень важный и ответственный этап испытаний, связанный с отработкой конструкции как самого корабля, так и его бортовых систем. В этих полетах накапливался опыт управления кораблем, контроля с Земли за его движением, измерений параметров орбиты.

Испытания, как известно, характеризуются статистикой, соотношением удач и срывов. Не все проходило гладко, не всегда получалось так, как было задумано, как хотелось. При одном из первых запусков корабль не удалось вернуть на Землю. На расчетном витке была подана радиокоманда на включение программы спуска. По телеметрии приняли сигнал, который означал: команда прошла, тормозная двигательная установка включилась и отработала необходимое время, но корабль не сошел с орбиты и продолжал полет. Последовало сообщение: корабль не подчиняется командам с Земли.

Конструкторы не скрывали этот факт от тех, кто готовился к полету. Разъяснили им и причину случившегося: из-за неисправности в системе ориентации и бортовой автоматики двигательная установка работала не на гашение скорости, а, наоборот, на разгон, в результате чего корабль перешел на другую, более высокую орбиту.

Королев не терял веры в успех. Он не терпел поспешных выводов и требовал, чтобы все вопросы были тщательно и всесторонне проработаны.

— Подводить черту будем после того, как завершат работу телеметристы,— заключил он.

Когда ему доложили результаты обработки телеметрии — а было это уже на исходе ночи,— он со свойственным ему оптимизмом заметил:

— Это тоже опыт. А спускаться на Землю корабли когда надо и куда надо у нас будут! Как миленькие будут. В следующий раз посадим обязательно.

И этот день настал. За ним пришли и другие.

Я почувствовал, что Главный, хотя и держится со всеми вроде бы одинаково, но к Гагарину присматривается внимательнее, чем к нам. Оно и правильно: Юра — это явление.

Еду в командировку. На край земли! Скоро начнется то, к чему все мы готовились больше года. Что нам расскажет Юрий, когда вернется?..

И все-таки это не укладывается в сознании: человек покидает Землю. Сказка? Призрачная нереальность? Нет, наша жизнь. В ней все — и красота приближающейся весны, и солнечные всплески на заре, и этот полет...

5 апреля 1961 года, раннее утро. Москва еще пустынна. Ночью выпал мокрый снег. На асфальте его не было, а на газонах и крышах домов он лежал унылой бело-серой холстиной. Огромное багровое солнце всходило над городом.

Автобус мчался по мокрому шоссе в сторону аэродрома. Алексей протер перчаткой запотевшее стекло и прижался к нему лбом. Приятная прохлада освежала, отгоняла сон.

Последние дни он возвращался домой поздно. Его включили в группу связи: Королев предложил, чтобы во время первого космического полета все, кто не был занят непосредственной подготовкой к старту, прошли ускоренный курс основ управления космическим полетом и подготовились к работе на пунктах слежения.

— Каждому из вас предстоит быть пилотом космического корабля, вести связь с Землей, уметь четко докладывать о делах на борту и принимать команды, которые мы будем передавать... Словом, этому тоже надо учиться серьезно и вдумчиво. А как думают остальные?

Сергей Павлович любил заканчивать разговор вопросом. Позже Алексей понял, что для Главного конструктора это было обычным: он размышлял и ждал размышлений встречных. Даже тогда, когда вопрос, казалось, уже решен и не подлежит обсуждению.

— Сколько времени работает с кораблем каждый пункт слежения? — спросил он, когда Королев закончил формулировать задачу.

— Сеанс связи короткий — считанные секунды. Напомню, что скорость корабля — почти восемь километров в секунду, а это в пятьсот раз быстрее курьерского поезда и в тридцать раз быстрее истребителя. Так что времени на лишние разговоры, спросы и переспросы не будет. Четкость и лаконичность, лаконичность и четкость — вот главное требование к переговорам между землей и космосом.

И вот теперь они разлетались по своим наземным измерительным пунктам, пунктам слежения, точнее — НИПам.

В группы связи вошли будущие космонавты, инженеры, врачи.

К тому, что должно было свершиться через несколько дней, ребята из первого отряда шли уже больше года. Программа подготовки была общей для всех кандидатов на полет. Теоретические занятия, изучение конструкции корабля, тренировки, работа на тренажере, полеты и парашютные прыжки, стенды, лаборатории, экзамены — и вот рубеж, к которому будут причастны они все.

В самолете Алексей думал о предстоящем. Были в этих размышлениях и восторг, и готовность к любой работе, и неясная тревога, и сознание ответственности. Он будет на связи с пилотом «Востока». Он услышит голос с орбиты. Голос первого из землян, кто проложит людям дорогу в космос.

На Байконуре было утро, а на НИПе, где находился Леонов, уже стоял день, необыкновенно солнечный, играющий снежными бликами до рези в глазах.

Часы в Москве показывали 7 часов 10 минут, когда началась предстартовая подготовка. Алексей не слышал переговоров «Зари» — таков был позывной Земли — и «Кедра» — Гагарина: очень далеко находился его НИП от Байконура. Но он отчетливо представлял, что делается сейчас на стартовой площадке.

Вот Гагарин поднялся на вершину ракеты, в кабину, вот его усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк... Юрий остался наедине с приборами, освещенными уже не дневным солнечным светом, а искусственным... Проверка телефонов и динамиков, доклад о положении тумблеров на пульте управления, установка «глобуса», контроль параметров среды в кабине, последовательное включение приборов...

Алексей бросил взгляд на часы. Приближалась десятиминутная готовность. Еще совсем немного — и усиленный динамиками голос произнесет: «Ключ на старт!» Он поправил наушники и коснулся пальцами ручки настройки. И, как бывает в моменты высшего напряжения, время вдруг словно остановилось...

Наконец по линии связи передали:

— Старт прошел в 9.07 Москвы.

Потом «Заря» вела отсчет секунд от начала старта: 70... 100... 120... Алексей ждал: сейчас должно произойти разделение. Заработает вторая ступень.

— В 9.18.07 произошло разделение.

«Теперь — невесомость»,— подумал Алексей и еще больше напрягся.

Минуты полета «Востока» до наземного измерительного пункта, где находился Леонов, показались Алексею мучительно долгими. В наушниках что-то потрескивало, пищало, врывался чей-то голос, и обрывки фраз звучали смешно и не ко времени.

И вдруг голос Юры:

— «Заря», я «Кедр». Как слышите меня?

Алексей возбужденно закричал в микрофон:

— Слышу хорошо!.. Слышу хорошо!..

Гагарин поинтересовался:

— Как моя дорожка?

О «дорожке», то есть траектории полета, он спросил потому, что именно в зоне радиослышимости этого НИПа «Восток» должен был выходить на орбиту с расчетными параметрами.

— Все у тебя нормально, все хорошо! — кричал Алексей.— Все нор-маль-но!

Юрий узнал его по голосу и весело закончил:

— Большое спасибо! Я вас понял. Привет Блондину.

Блондином в отряде называли Алексея Леонова.

Корабль ушел из зоны слышимости.

Итак, первый в мире космонавт стартовал 12 апреля 1961 года в 9 часов 07 минут. В 9.52 космический корабль находился над Южной Америкой. В 10.15 пролетел над Африкой. В 10.25 включилась тормозная двигательная установка.

И вот уже пришло сообщение о том, что Гагарин приземлился. Вдумываясь в случившееся, Алексей

понимал, что Юрию в этом испытании помогли незаурядное мужество и воля. По радио говорили: «Подвиг». Он соглашался: конечно, подвиг. Но ведь и подвиг может быть разным: короткий, требующий максимальной волевой отдачи, и долговременный, лишенный броскости, но постепенно вырастающий в высокую вершину. Гагарин летал 108 минут, но шел к этим минутам всю свою жизнь...

14 апреля Алексей возвратилс.. в Москву. Вышел часов в восемь вечера из автобуса на площади Революции, смотрит: все расцвечено, публика нарядная, веселая, с флажками.

— Что происходит? — спросил Леонов у прохожего.

Тот несказанно удивился:

— Вы что же, товарищ, с луны свалились? Юрий Гагарин в космос слетал! Сегодня вся Москва его встречала!

Он с луны не свалился и, разумеется, знал, что Гагарин побывал в космосе. Но для него полет был продолжением тренировок, волнующим, но рабочим моментом. Поэтому только в Москве он понял, в каком великом событии ему посчастливилось участвовать.

Тренировки продолжались. Увлеченность новой профессией, делом, которым всем предстояло заняться, рождала упорство. И на партийном собрании отряда приняли строгое решение. Павел Попович — первый партийный секретарь — так и сказал:

— Предлагаю записать в решении: работать без отстающих, без срывов и только по высшему баллу.

Его поддержали.

Аэродром, лаборатории, классы, медицинские обследования. Самолеты, катапульты, тренажеры, действующие макеты кораблей — и снова контроль медиков. Необычные сочетания упражнений, необычные пробы, необычные дисциплины. Каждый день был похож на другой лишь своим обычным началом — подъем, атлетическая гимнастика, завтрак.

Путь был долог и труден: недели, месяцы, годы. И все они складывались из часов и минут, за которыми стояли настойчивость, смелость, мужество. Многие сутки, проведенные в одиночестве за стенами сурдокамеры, раздражающий зуд вибростендов, бешеное вращение центрифуги, бьющие по барабанным перепонкам перепады давления при испытаниях в барокамере, изнуряющий зной термокамер, вестибулярные тренировки...

«Космонавт — это человек, деятельность которого протекает в необычных условиях, оказывающих на его организм сильное воздействие, нередко близкое к предельно переносимым. Он должен обладать многими специфическими качествами, чтобы сохранять высокую работоспособность в весьма сложных ситуациях. Этими качествами, как правило, обладает летчик, имеющий опыт полетов на современных самолетах»

Эти слова принадлежат Ю. А. Гагарину. Они объясняют важность летной подготовки. И этой подготовке отводилось много времени.

Страшная усталость от физического и нервного напряжения. А утром — снова занятия. И только внимательные глаза близких подмечали «вдруг» появившуюся морщинку у глаз или серебристую нить, затерявшуюся у виска.

Известно, что привыкнуть к усталости невозможно. Так же невозможно привыкнуть к изнуряющей

жаре или холоду. А уж к боли и подавно. При всем желании мозоли на руках, ноющие мускулы трудно не замечать... Значит, остается одно — терпеть. Умение терпеливо день за днем переносить разные невзгоды — качество, необходимое для того, кто готовится к космическим полетам. Для Алексея этот вывод стал призывом к выдержке.

Всякое случалось. Угрожающе мчалась навстречу земля, когда перехлестывались стропы и почти гас купол парашюта. Случались болезненные травмы, которые, казалось, перечеркивали заветную мечту.

Иногда жизнь преподносила такие сюрпризы, которые и спустя время, когда случившееся уже давно позади, вдруг вспоминаются, наваливаются волнением, и никуда не уйти от него...

...Видавший виды «Антон» — старенький зеленый биплан — уже тарахтел мотором, когда они заняли свои места в кабине и зацепили карабины вытяжных веревок за подпотолочные тросы. Павел Попович, Борис Волынов, Евгений Хрунов и Алексей Леонов, усевшись на железной скамейке, лишь фразой обмолвились о предстоящих прыжках. Говорили о том, что уже близится осень и что васильки в этих местах блеклые, изнуренные солнцем, не такие, как в Подмосковье.

— Ветер — 320, 8—10 метров в секунду,— сообщил командир корабля.

— Учтите снос,— предупредил инструктор.

Грохот мотора стал ровнее. Машина легла на боевой курс. Глаза всех смотрят в сторону трех электрических плафонов. Сейчас они зажгутся, и каждый подаст свою команду: желтый — «Приготовиться», зеленый — «Пошел», красный — «Отставить»...

Первым шагнул к открытой двери Леонов. Поправил ранец «запаски». Одна нога уперлась середи-

ной ступни в левый нижний угол проема, другая отставлена на полшага назад. Взгляд устремлен вниз, слух обострен.

Звук сирены и одновременное «Пошел» заставляют его на какую-то долю секунды слегка пригнуться, и вот уже он во власти подхватившего его ветра.

Ноги перестали ощущать пол кабины, где-то позади остались прохладный металл самолета, гул мотора, облака гладят по лицу, как край влажного полотенца... Радостное ощущение легкости, ни с чем не сравнимого полета.

Алексей знаком с парашютом давно. Прыгал много: днем и ночью, на воду и на лес. Все прыжки были успешны и благополучны.

В тот день программа была несколько иной. Даже не программа, а снаряжение, в котором предстояло прыгать. Система покидания космического корабля (если вдруг возникнет такая необходимость) конструктивно отличается от обычного парашюта. Поэтому на тренировках космонавт «надевает» под ранец специальную металлическую раму, которую называют «спинкой». С таким приспособлением предстояло прыгать на этот раз и Алексею.

Космонавты один за другим оставляли самолет. В небе забелели ромашки куполов. Во время раскрытия леоновского парашюта лямка зацепилась за спинку и обмотала ногу Алексея. Он повис вниз головой. Так и спускался.

Сто, двести, триста метров остались позади. Земля приближалась с каждой секундой. Встреча с ней в таком положении не сулила ничего хорошего. Приземление на парашюте в момент встречи с землей равносильно прыжку с шестиметровой высоты. А если с такой высоты прыгнуть на голову?..

Сильный порыв воздуха внезапно понес его в сторону. Возросла скорость снижения. Земля ближе и ближе. Все решали секунды. Алексей попробовал освободить ногу. Тщетно. Тогда стал гнуть спинку. Металл не поддавался. Еще усилие, еще... Не знаю, думал ли он тогда, что этот прыжок для него последний. Но он нашел в себе силы, чтобы совладать с прочным сплавом. Нашел в трезвом размышлении о том, что иного выхода в этой ситуации нет. Рассчитывать можно только на себя.

Двадцать пять метров отделяли его от земли, когда он освободил захлестнувшиеся лямки. Борьба в воздухе продолжалась чуть больше минуты. Но какая это была минута!

Уже потом, на земле, не две, а четыре тренированные, мускулистые руки пытались согнуть металлическую спинку. Просто так, для пробы. Не получилось...

Но космонавт — это не только сталь мускулов, воля и смелость. Теоретический курс, который усложнялся день ото дня, экзамены и зачеты по многим дисциплинам были постоянным напоминанием о том, что на одной удали далеко не уедешь. «Пробой интеллекта» называли в отряде собеседования с разработчиками систем. Как-то после двух часов изнурительного диалога с экзаменаторами один из космонавтов признался:

— Любые перегрузки, любые испытания — все могу выдержать. Экзамен же что острый нож. Если бы раньше знал...

И все-таки, если бы они снова вернулись в 1959 год, если бы снова оказались перед выбором, все они без колебаний и сомнений выбрали бы этот путь. Ну, а экзамены следовали не только после завершения того или иного курса. Их приходилось держать

трижды: перед полетом, в полете и на итоговом заседании Государственной комиссии. Здесь требовался глубокий анализ, осмысленные и четкие формулировки, квалифицированная оценка полученной информации, предложения, выводы... А попросту — требовались знания, самые разнообразные и не случайные, а твердо усвоенные.

День начался с тренировок в корабле. Еще несколько витков прибавилось к моим «космическим» полетам на земле. Все-таки здорово придумано — корабль-тренажер! Почти полная имитация настоящего полета. Нет, конечно, невесомости и перегрузок, но об этом не думаешь, когда начинается работа.

...Только что вернулись с полетов. Ночное небо бесконечно, как будущее. Где-то там и, может быть, скоро встретится человек с разумными существами другого мира. Встретится и спросит: «А где здесь у вас Третьяковская галерея, инопланетяне?»

...Пролетали над Москвой. До чего же она красива ночью, когда смотришь с высоты. Бусинки огней, яркие отблески разноцветных неоновых реклам, удивительная игра полутонов... И все это не замерло в немом безмолвии, а живет, дышит, подмигивает, улыбается и потом тает в темноте... Очень красиво! Жаль, что нет времени любоваться этой красотой.

...Сегодня были со Светланой в Большом театре. Слушали «Руслана и Людмилу». Когда-то Гоголь сказал: «О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! Буди чаще наши меркантильные души! Ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам!» Прекрасные слова!

...Весна! Каждый, наверное, чувствует извечные приметы этого чудесного времени года. Весна в природе, весна и в учебе. Идут экзамены. Сегодня сдал математику. Высшую! Мне очень нравится учеба в академии. Есть в точных инженерных науках своя прелесть. Они не терпят вольности и удивительно сочетают строгость, логику и красоту... Поначалу мы блуждали, как в лабиринте, долго и мучительно. Потом привыкли, научились отыскивать тот кончик, потянув за который развязывается узелок... Физику нам читал профессор Михайлов. Это замечательный человек. Он стремился привлечь нас к своей науке, заставить полюбить ее. Михайлов говорит, что наука любит упорных и одержимых. Сам он тоже одержимый, хотя по внешнему виду этого не скажешь. Вместе с физикой мы полюбили и его.

...Вечером собрались у Юры Гагарина. Он сегодня именинник: стукнуло двадцать восемь. Стареем!

...Сидел в термокамере. «Парку» на этот раз поддали больше. Ну и баня! Температура под «доспехами» — что в тропиках, а то и больше. Неудержимо хочется скорее на мороз. Подъем в барокамере на высоту 5000 метров без кислорода — это просто семечки по сравнению с термокамерой...

Когда возвращался домой, залюбовался закатом. Яркая оранжево-красная полоса лежала у самого горизонта. Если бы такую краску нанести на холст рядом с темно-серой, сказали бы: неправда, так не бывает. А в природе они сочетаются очень смело. Посидеть бы сейчас за мольбертом...

Время отсчитывало недели, месяцы, и они незаметно складывались в годы. Звездный жил учебой, тренировками, напряженной работой. Вслед за Юри-

ем Гагариным на космические орбиты вышли Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова, первый в мире космический экипаж — Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Борис Егоров.

В конструкторском бюро работали над новым кораблем. Он получил название «Восход-2». От своего предшественника — первого многоместного «Восхода» — он отличался конструктивно в соответствии с теми задачами, которые предстояло решить в ходе летных испытаний. Они были необычными: из области фантастики и грез в деловую программу перешла проблема выхода человека в открытый космос.

— Полет необычный для наших космических представлений,— сказал С. П. Королев при очередной встрече с космонавтами.— Особенность и сцецифика его в том, что один из вас должен на орбите через шлюзовую камеру выйти в космос, выполнить ряд операций, связанных с движениями, маневрированием в космосе...

После паузы Сергей Павлович продолжал:

— Почему такое значение мы придаем именно этому эксперименту?.. Летая в космосе, нельзя не выходить в космос, как, скажем, находясь в океане, нельзя не учиться плавать и нельзя бояться упасть за борт.

Беседуя с теми, кто должен был осуществить новый замысел в условиях реального полета, Главный конструктор не скрывал всей сложности задачи, того, что новая работа связана с определенным риском. Но, не решив эту задачу, нельзя двигаться дальше.

Королев не упрощал предстоящее и не сгущал краски. Он рассуждал. И из его рассуждений следовало, что выход в открытый космос нужен не сам по себе, а связан с целым рядом операций, которые

могут потребоваться в дальнейшем при встрече кораблей. Выход из корабля упрощал проведение специальных наблюдений в космосе и конечно же был просто необходим в тех случаях, когда потребуется что-либо поправить на корабле.

— Космонавт, вышедший в космос,— говорил Королев,— должен уметь выполнить все необходимые ремонтно-производственные работы — вплоть до сварки. Это не фантастика, это необходимость! Чем больше люди будут летать в космосе, тем больше эта необходимость будет ощущаться. Наконец, надо считаться и с тем, что может сложиться ситуация, когда один корабль должен оказать помощь другому...

В последующие дни Алексей много думал о том, что услышал в КБ. «Почему Королев заговорил о риске? Хотел проверить каждого из нас? Или просто следовал логике испытания?..»

Космос — суровый океан. Уже первые полеты показали, что в этом странном и необычном океане нет ни опоры, ни веса, ни ориентиров. За бортом корабля подстерегает человека смертельно опасный вакуум. Там свои условия: и таинственная невесомость, и радиационные пояса, окружающие Землю, и солнечный ветер, и солнечные бури, и метеорные ливни. И все это враждебно человеку...

Три года, проведенные в отряде, три года общения с учеными и конструкторами приучили Алексея трезво подходить к оценке всех «за» и «против». Человек смел и настойчив. И несмотря на все опасности, которые подстерегают его в звездном океане, он шел и будет идти на покорение космоса. Кто-то всегда должен быть первым в стремлении открыть и утвердить новое. И где бы ни пролегал путь первопроходцев — в горах ли, среди льдов, в нетрону-

тых глубинах морских пучин или в космосе,— он всегда труден.

Защитой выходящего в космос должен был стать специальный скафандр. Конструкторам, которые взялись «сшить» эту одежду, пришлось решать множество проблем. Прежде всего, перепад температур: от плюс 150 градусов на солнечной стороне и до минус 150 — на теневой. Прочность и гибкость, эластичность и жесткость — нужно было совместить непримиримые, казалось, требования. Выбор материалов, тысячи испытаний...

В труде и поиске рождалось чрезвычайно сложное инженерное сооружение — именно таковым был космический костюм. Отдельные слои оболочек скафандра предназначались для выполнения самых различных функций, переплетения коммуникаций обеспечивали вентиляцию и связь, отопление, снабжение кислородом. И все это при заданном весе, заданной жесткости.

Поначалу был создан манекен, тот самый «Иван Иванович», которого крутили на центрифуге, трясли на вибростендах, испытывали на динамическую и статическую прочность. Если опыты проходили успешно, скафандр надевали испытатели, и снова проверки — на земле, в воздухе, на море, в бассейнах с ледяной водой.

В результате была создана система высокой надежности. Для полета человека в кабине космического корабля медики и биологи уже имели проверенные методики подготовки. А как готовить пилота для выхода из кабины в открытый космос? И тут оказалось, что нужно решить множество своеобразных и очень сложных проблем. Что произойдет с психикой человека, когда он шагнет в неведомый и загадочный мир? Преодолеет ли он «пространствен-

ный страх»? Не охватит ли его боязнь падения, страх лишиться привычной ориентировки, опасение потерять связь с самой последней опорой — с самим кораблем?..

Врачей Звездного тревожила и такая мысль: не парализуют ли разум и волю человека дремавшие древние инстинкты, разбуженные видом бездонного фантастического океана, в котором все не так, как на Земле, все наоборот — нет воздуха, нет веса, нет верха и низа?.. Психологам известны случаи, когда человек после длительного пребывания в замкнутом пространстве сразу же после выхода из него на широкий простор получал тяжелые психические травмы. Но то был выход в среду обычную, а здесь...

Не сразу решился и вопрос о подборе экипажа. Королев присматривался к каждому, кто входил в первый отряд космонавтов. Прикидывал, взвешивал, советовался. После долгих раздумий отобрал четверых: двоих для первого экипажа и двух дублеров. Попал в эту четверку и Алексей. В Леонове Королева привлекала живость ума. Это — первое. Второе — хорошее усвоение им технических знаний. Третье — характер. Собранный, волевой. Он наблюдателен, хорошо рисует, очень общительный, добрый, располагающий к себе человек. Смелый летчик. Прекрасно владеет современными реактивными истребителями, летает уверенно... И Главный конструктор пришел к решению: «Пожалуй, на выход можно готовить Леонова...»

Что касается командира корабля, то здесь выбор пал на Павла Ивановича Беляева: был командиром эскадрильи, имеет опыт командной работы, человек спокойный, неторопливый, очень основательный, делает все очень фундаментально.

Сочетание таких двух характеров, наверное, самое благоприятное...

Всем отрядом приехали в конструкторское бюро знакомиться с новым кораблем. Уже по первым рассказам Сергея Павловича я представлял себе его схему и предстоящую работу... Собралась большая комиссия. Главный конструктор подробно рассказал о задачах полета. Затем предложил мне произвести выход из кабины в шлюз и на площадку.

Признаться, я удивился и, может быть, поэтому довольно долго надевал скафандр. Наконец занял место в корабле и по команде произвел шлюзование. Я очень торопился — сильно волновался: за мной наблюдали десятки глаз членов комиссии и моих товарищей. Волновался еще и потому, что после опробования системы следовало дать заключение о возможности выполнения задуманного. Грамотное и обоснованное.

После двухчасовой работы я высказал Королеву свои соображения. Сказал, что выполнить эксперимент можно, надо только все хорошо продумать.

— Тогда начинайте работать! — сказал Сергей Павлович и шутливо добавил: — Только уговор: продумайте все с самого начала, не то... не попадайтесь мне на глаза!

Через день в плановом отделе сказали: «Беляеву и Леонову — полное медицинское обследование».

Главная фигура в Звездном — медик, врач. В этом утверждении преувеличения нет. От медиков зависит, сможет ли человек, закаляясь в испытаниях и тренировках, должным образом подготовить себя для полета, не сорваться от «перегрузок».

Для медиков сравнительно новое, но уже примелькавшееся выражение «адаптация человека к ус-

ловиям космоса» развертывалось в широкую программу исследований. На трудные вопросы, с которыми они столкнулись во время подготовки экипажей к полету на «Восходе-2», в ту пору нельзя было найти ответа ни в одном справочнике, ни в какой литературе. Шел лишь третий год космической эры.

Началась непосредственная подготовка. По особой программе, на специальных тренажерах. И частые поездки в конструкторское бюро и на завод. Там шла «подгонка» экипажа к кораблю. Отливали ложементы — профилированные спинки для каждого космонавта, уточняли покрой скафандров, примерялись к выходному люку-лазу и креслам... Для медиков и космонавтов это были «натурные пробы», а для разработчиков — мучительный поиск «недостающих миллиметров».

Корабль «Восход-2», в отличие от трехместного «Восхода», имел не три, а два кресла — для удобства передвижения в кабине при выходе в открытый космос. Он состоял из гермокабины, приборного отсека и шлюзовой камеры. Этот своеобразный лаз в космос устанавливался на кабине корабля, люк с герметической крышкой открывался внутрь кабины с помощью электропривода или вручную. Так же открывалась и крышка второго люка в верхней части шлюза. Внутри его находились киноаппараты, система освещения, пульт управления, а снаружи — баллоны с воздухом для наддува шлюзовой камеры и с аварийным запасом кислорода.

Конструкция проходила окончательную отработку на предприятиях, а космонавты — в Центре подготовки. Их час настал задолго до полета. Когда скафандр и шлюз были готовы, Леонов, Беляев и их дублеры начали тренировки по выходу из корабля в земных условиях. В специально построенной термобарокаме-

ре Алексей и Павел «обживали» скафандры. В камере создавали низкое давление, низкую, приближенную к космической температуру. Скафандры эти нагрузки выдержали. Выдержали они и другие испытания.

И все-таки проблемы возникали на каждом шагу и у разработчиков, и у космонавтов. Приходилось, как говорили, «мудровать». Теории, на которую можно опереться, не существовало. Опыта по разработке кораблей со шлюзовой камерой — и подавно. Исходили в основном из здравого смысла и данных, полученных при запусках шести «Востоков» и одного «Восхода».

Надежность и удобство... Скафандр гарантировал безопасность с точки зрения защиты от перепада температур, глубокого вакуума, радиационного фона. Однако работать в нем было совсем не просто. Для того например, чтобы сжать кисть руки в перчатке, требовалось значительное усилие. Это на земле, где есть «точка опоры». А в космосе? Алексей понимал, что только физическая закалка и выносливость могут стать его союзниками на этом этапе, только они могут помочь научиться работать в необычных условиях.

Примерял готовый скафандр. Поразили его белизна и новизна многих элементов. Почти торжественно облачали меня в новую одежду.

Все хорошо — и шлем, и ботинки, и система. Ничего не давит, не жмет... Завтра начнутся его испытания. Сам написал на гермошлеме: «СССР».

...Снова центрифуга. Сколько раз я уже вращался на этом чертовом колесе, но привыкнуть так и не могу.

Передо мной «крутили» Павла Ивановича. Ведь нам лететь вместе. Вместе, если ничего не случится. Будем надеяться, что так оно и будет.

Он интересного склада человек. В отряде его не сразу сумели понять — считали молчуном, замкнутым. А на самом деле он человек жизнерадостный. Большой оптимист, хотя прошел нелегкий жизненный путь. Справедлив и добр. На такого всегда можно положиться, не подведет. Самое ценное в этом человеке — честность, неподдельная смелость, благородство души.

Он не любит громких слов. Если давать ему задание и повторять при этом: «ответственность», «важность», «необходимость», считай, что нужного контакта не будет. Уж он-то сам знает, как нужно работать, как беречь время, как делать на совесть. И еще: он начисто лишен тщеславия.

Алексей верил в своего командира. Верил и любил его. На тренировках и занятиях, день за днем ему постепенно раскрывался этот «нетипичный» комэск, лишенный броской стати, металла в голосе, очень доступный, внутренне беспокойный, хотя по внешности этого никогда не скажешь — он сдержан и совершенно равнодушен к тому, какое производит впечатление на окружающих. В работе на тренажерах равного ему не было, Алексей знал это лучше других.

Не раз вдвоем с Павлом Беляевым они с начала до конца репетировали выход из корабля и возвращение. И эти тренировки тоже не были легкими, особенно когда они проходили в кабине самолета-лаборатории, делающего сложные фигуры в воздухе. То невесомость, то перегрузки, то вновь невесомость, и снова перегрузки. Кружилась голова, перед глазами шли

круги, ломило тело. От напряжения дрожали руки, было тяжело дышать. Секунды казались часами. Это был поединок с техникой и самим собой. Поединок, который требовал его, Алексея, всего — до последней капельки сил и до последней клеточки мозга. И после этого часы работы в КБ. Во время подготовки к старту они ни на минуту не забывали требование Королева: действовать в тесном контакте с разработчиками. Вместе думали о компоновке пультов, конструкции замков на скафандре, устройстве соединительного фала.

Еще с того первого разговора с Главным конструктором Алексей был готов к тому, что придется очень напряженно работать, и он отдавал работе все: знания, опыт, волю.

...Столбик термометра ползет к плюс 25. Солнце накаляет асфальт. Бежит человек в теплом свитере поверх тренировочного костюма. Километр, второй, третий... Колотится сердце, пот застилает глаза, но бегун успевает заметить и причудливый изгиб ствола березы, и солнечный узор на земле от молодой листвы, и сучок, похожий на рога оленя... Все это повторится и завтра, и послезавтра.

Каждый день, придя на тренировку, он надевал скафандр и часами работал, пока не привык к нему, как привыкали рыцари к латам и тяжелым доспехам, как привыкают водолазы к своему костюму.

Близился день старта. Алексей ждал его. И в этом ожидании были нетерпение и некоторая тревога. Как-то будет там, в «открытом» космосе, как сработают все устройства, как справится он сам?.. Тревогу побеждала уверенность. Уверенность в успехе. Ведь все: и ракета-носитель, и корабль, и скафандр, да и все, что они возьмут с собой,— сделано надежно. И это уже доказано.

А в редкие минуты отдыха Алексей брал томик Циолковского и читал удивительную повесть «Вне Земли». Читал снова и снова, каждый раз восхищаясь гениальностью этого человека. Его книга была для Алексея своеобразной инструкцией в картинках, где он находил ответы на все «что» и «как».

Ночь перед стартом

Завтра старт. Накануне звонила жена. Она посылала привет, желала удачи. Неожиданно голос Светланы дрогнул, и как-то очень по-домашнему она сказала:

— Ты не тревожься, дома все хорошо!..

И эта простая, нечаянная фраза была ему сейчас всего дороже.

В домике, где космонавты, как и их предшественники, проводили предполетную ночь, тихо. Вспомнилась когда-то прочитанная фраза: «Люди тоскуют по самому разному, но более всего — задумывался ли кто-нибудь над этим? — более всего тоскуют по себе». Нет, он не тосковал. Напротив, настроение было приподнятым.

Завтра он полетит. Завтра! Он словно наяву увидел монтажно-испытательный корпус, стартовую площадку, все, ставшее обжитым и привычным за долгие дни пребывания здесь, на космодроме. Вроде бы ничего не забыто, все сделано...

Потом он вдруг увидел отчий дом, остро почувствовал запах смолистых бревен. Перед глазами причудливо перемешивались видения завтрашнего старта и картины далекого детства. Вот материнские натруженные руки. Вот он бежит босиком по росистой траве. Солнце кувыркается в лужах, звенит

прозрачный ручей. Воспоминания детства властно оттесняют завтрашнее... Он слышит шепот сосен, шорох ржи, завораживающую песню жаворонка, звон отбиваемой вдалеке косы...

Он вспомнил всех: и мать, и отца, и дядю Сережу, всех своих братьев и сестер — Алексей был восьмым, а всего их росло девятеро: сестры Шура, Люба, Раиса, Нина, Надя, Тоня, брат Петр и самый младший Борис.

Отец называл их работничками. Шутил, конечно. Но была в этой шутке своя правда: для труда возрастных границ нет, каждый вносил свою долю в общее дело. «Труд кормит, труд воспитывает, труд уважение людей дает» — так рассуждал отец, этому учил и детей.

Архип Алексеевич в молодости был шахтером, работал в Донбассе. После первой мировой войны поехал в Сибирь, куда был сослан Лешин дед за участие в революции 1905 года. Дед полюбил суровую красоту сибирской земли, бескрайние ее просторы, крепких, несгибаемых мужиков-бунтарей.

Дед был крестьянин, а отец начинал трудовую жизнь в городе. Приехав в сибирское село Листвянку, стал организатором одной из первых в Сибири коммун, участвовал в борьбе с колчаковцами, председательствовал в местном совете.

Алексея с раннего детства манил мир перелесков и полян, деревьев, подпирающих верхушками небо, извилистых узеньких троп. Мальчишкой он научился отыскивать съедобные сладкие корешки и на всю жизнь запомнил аромат медуницы, клевера, сена...

22 июня 1941 года было, пожалуй, началом его сознательной жизни. Он всегда помнил этот день во всех подробностях. Мальчишки играли во дворе. И вдруг из всех окон, как по команде, их стали звать

домой. Вбежав в квартиру, он сразу почувствовал: произошло что-то ужасное...

Война. Что это такое, по-настоящему понял не сразу. Меньше мужиков стало в домах, сестры пошли работать, чтобы как-то помочь семье. За городом сажали картошку. Двое младших — Алексей и Борис — окучивали ее, пололи.

Однажды забежал на вокзал. Подошел санитарный поезд. На перрон и на вокзальную площадь стали выносить раненых. Алексей увидел землистые лица бойцов, окровавленные бинты и носилки, носилки, носилки...

Сердце сжалось в комочек. Он явственно представил себе, как где-то далеко идет бой, взрываются снаряды и мины, на землю падают люди. Падают и не поднимаются... Детское сердце замерло в недетской тоске и тревоге.

Потом он часто прибегал на вокзал. Забыв о времени, стоял и смотрел на вереницы теплушек, в дверных проемах которых толпились солдаты, на пушки и танки, укрытые брезентом и установленные на открытых платформах, на цистерны с бензином.

Неподалеку от дома, где они жили, строили электростанцию. Сторожил строительство старый рабочий, который сопровождал оборудование, эвакуированное из фронтовой полосы. Старик был хороший рассказчик, и Алексей с товарищами часами слушал его воспоминания о революции, о нашествии фашистов, о том, что он видел и пережил.

Первой его учительницей была Клавдия Васильевна Васильева, а первым школьным уроком — рисование. Этот урок он запомнил на всю жизнь, может быть, потому, что очень любил рисовать. Рисовал на фанере, на стенах дома, на оберточной бумаге.

Рисовал всем, что было под рукой: углем, карандашами, акварельными красками. В свой первый школьный день он рисовал гриб. Так велела Клавдия Васильевна. Она сказала: «Ребята, каждый из вас видел в лесу грибы, собирал их. Вспомните, как они красивы под елкой или в траве, у пенька...»

Его, Лешкин, гриб был с темно-коричневой шляпкой, приземистый. Рядом — еще один, поменьше и светлее. Посмотрев рисунки, Клавдия Васильевна на Лешином аккуратно вывела «отлично».

Он стал школьным художником.

Деньги на краски давала мать. А однажды, когда Алексей помог соседке очистить погреб, отец протянул ему пятерку, на которой был изображен летчик, и сказал: «Вот тебе за работу. Истрать на что захочешь». Он купил пять коробок красок и считал себя самым счастливым из мальчишек.

Весну 1945 года мальчишки Лешиного детства встречали в строю, на параде в честь Дня Победы. Им, пионерам, доверили в военкомате настоящие винтовки. Счастливые и гордые, маршировали они по центральной улице рядом со взрослыми. Победа!..

После войны семья Леоновых переехала в город Калининград. Впрочем, трудно было назвать городом то, что осталось после изгнания гитлеровцев. Были скелеты домов, нежилые и неживые улицы со свалками битого кирпича, покореженной и разбитой техники. Изредка ползущие всего по двум маршрутам трамваи. Медленно бредут люди с котомками — во всех направлениях. Колючая проволока, брошенные на землю надписи со свастикой, израненные деревья... Каждый камень города был полит кровью советских солдат. Каждый!..

Новая школа, новые учителя, новые товарищи. Частенько в класс заходил директор школы Павел

Петрович Шатохин. Просто так, побеседовать, посмотреть. Он знал каждого ученика, его успехи и «проказы». Он умел без назидания, просто и убедительно говорить об их долге, их задачах. «В школу приходят не за отметками, а за знаниями. Со временем забудется, какая отметка была получена за контрольную по геометрии в девятом или десятом классе. А суть теоремы, если она понята, сохранится в памяти на всю жизнь. И всю жизнь будет приносить пользу».

Павел Петрович, да и другие учителя каждодневно приучали их к мысли о том, как важны полноценные знания, как пагубны обман и списывание, которые из баловства перерастают в черту характера.

Характер... Из чего он складывается, с чего начинается? Порой говорят: «У него отцовский характер» или «Характером он в мать». А он, Алексей Леонов, в кого? Мать говорила: «Пока человек сердцем чужую беду понимает и готов разделить ее, он остается человеком».

Отец считал, что «мужик должен быть твердым». Твердость эту он понимал как силу: «Работящий человек — всегда человек». Материнскую теорию отец не опровергал. В чем-то он даже повторял ее. Алексея он учил нехитрым, казалось бы, истинам: «Идти к людям надо с полными руками. Сажаешь дерево — смотри, чтоб были живы все корешки, и большие, и малые».

В десятом классе Алексей почувствовал, что не может решать тригонометрические уравнения, сложные формулы в его тетради не упрощались, а превращались в еще более сложные...

Состоялся серьезный разговор с директором Шатохиным.

— Не только тебе тяжело, Леша. К сожалению, и другие ребята не знают формул. Но к тебе у меня просьба. Выучи все формулы назубок. Мне это нужно для дела.

«Для дела?» Алексей удивился, но задавать вопросы не стал. Голова работала только на тригонометрию.

— Как твои успехи? — спросил через неделю Павел Петрович.— Не подведешь меня?

— Нет,— ответил Алексей твердо.— Но мне нужны еще два дня.

Через два дня директор вызвал его к доске. Все сорок пять минут стоял Алексей у доски: писал, отвечал устно, снова писал. В конце урока Павел Петрович подвел итог:

— Вот, друзья, как нужно знать! Ну, а Леша Леонов вам сам расскажет, как этого можно добиться...

Учеба, спорт, комсомольские поручения. Он много рисовал. И не только «для себя». Школа нуждалась в оборудовании. Чертежи, схемы, таблицы, плакаты по разным предметам — все это делалось руками ребят. Руководил работами Алексей Леонов — редактор и художник школьной газеты, член комитета комсомола.

Калининград — город моряков. В порту всегда множество кораблей, больших и малых, грузовых, торговых, рыбацких. Мальчишки все «болели морем». Не избежал этой болезни и Алексей. Присмотрел с ребятами старую заброшенную яхту. Решили отремонтировать. Сами заделывали щели, шпаклевали, смолили, красили, меняли прогнившие доски, оснащали оборудованием... Делали все строго по морским правилам. На борту написали: «Мечта». Спускать яхту на воду помогал Лешин отец.

Потом их приняли в члены яхт-клуба, включили в списки участников соревнований. Гордые и счастливые мальчишки чувствовали себя настоящими моряками.

Он не боялся работы. Ездил в пионерский лагерь вожатым, был физруком, работал в школьных кружках, где делали наглядные пособия и приборы для физического и химического кабинетов. Не было слабости и лености, не было боязни устать. А главное — не было хитрости, той самой, когда человек решает не принимать бой, а обойти стороной. «Такие люди предают сами себя». Эта мысль, вычитанная в одной из книг, глубоко запала в душу, и он следовал ей во всем.

Как-то на школьном субботнике, когда все ребята в поте лица разбирали во дворе разрушенное здание и таскали камни и кирпичи, Алексей заметил, что Вовка, сосед его по дому, только делает вид, что работает. Не выдержал, вспылил:

— На чужом горбу проехаться хочешь!

— А тебе больше всех надо. Тоже мне командир нашелся...

— Надо! — Алексей двинулся к группе парней, которые готовы были заступиться за Володьку.

— Объединились в подлости? Ну-ну...

Спор был горячим. В конце концов мальчишки разошлись по рабочим местам.

Школа определила и укрепила его привязанности. Любил литературу и историю, рисование и физику. Но втайне мечтал о художественной академии. Весной 1953 года собрал все свои рисунки, после «строгой ревизии» отобрал лучшие и попутной машиной махнул за 400 километров, в рижскую академию художеств. Бродил по залам и коридорам, заглядывал в классы... Пожилой человек в строгом

черном костюме, обратив внимание на растерянного паренька, попросил показать рисунки. Некоторые откладывал сразу, другие рассматривал подолгу. «Приезжайте осенью, у вас есть хорошие шансы»,— сказал он, прощаясь. Позднее Алексей узнал, что разговаривал с самим президентом академии.

Но юность переменчива: одна мечта сменяет другую, со временем приходит новая, и быть ли ей последней — предугадать нельзя...

Летом 1953 года Алексей Леонов выбрал небо.

Отец был удивлен. Архип Алексеевич как бы впервые увидел сына: раздавшиеся плечи, большие и сильные руки. Взрослый, добрый... Круто поворачивает свою жизнь и делает это как мужчина. Отговаривать не стал.

Получена рекомендация обкома комсомола, собраны нехитрые пожитки в маленький чемоданчик. На вокзале собрались родные и друзья. Мать держит платок у глаз, отец о чем-то говорит. Негромко, неторопливо. Но что-то невысказанное еще чувствуется в ясности его доброго взгляда, в интонации слегка глуховатого голоса.

— Всюду, Алексей, уважают человека трудолюбивого, дисциплинированного. И помни: коль выбрал дело, надо его любить...

Южный город опалил лицо жарким ветром. Свет солнца здесь был таким ярким, что Алексей щурил глаза.

Память отчетливо хранит аэродром на окраине степного городка, свист и гул взлетающих самолетов, строгую, почти спартанскую обстановку курсантской казармы. Теоретический курс, зачеты и экзамены, первые провозные полеты, наряды, караулы, долгие часы самоподготовки и короткие свидания с небом...

Датой его воздушного крещения стало 7 января 1955 года. Самостоятельно совершил полет 10 мая. Его первым инструктором был Николай Дмитриевич Прописвит. Этот человек и дал Алексею путевку в небо. Более строгий экзамен устроил полковник Аносов. Он отбирал среди курсантов школы первоначального обучения кандидатов в Чугуевское авиационное училище. Шли «показательные» полеты. Алексей взлетел третьим. Двоих, кто проходил пробу перед ним, полковник «зарезал». Алексей волновался, допускал ошибки. Общая оценка — «четверка». Приуныл: «Возьмут ли?» Аносов успокоил:

— Тебя возьму. Пилотируешь прилично.

В училище Алексей держал еще один экзамен. Нет, не по знаниям теоретических и практических дисциплин. Это само собой. Была и так называемая «проба характера», экзамен на пригодность профессии, если мерить ее самой строгой меркой. А мерка была особой. Училище имело свои традиции. Сто двадцать его выпускников стали в годы Великой Отечественной войны Героями Советского Союза, девять — дважды удостаивались этого высокого звания, а летчик Иван Никитович Кожедуб стал трижды Героем Советского Союза.

Золотая Звезда Героя... Высшая награда, символ воинской доблести, боевого мастерства, беспредельной преданности народу, партии. Эстафету старшего поколения предстояло принять и с честью пронести тем, кто пришел в Чугуевское авиационное спустя годы после Победы. И они рвались в небо. Скорей бы сесть за штурвал боевого самолета, скорей бы взлететь ввысь! А приходилось заниматься куда более «прозаическими» делами: изучать авиационную технику, теорию полета, аэродинамику, физику, материаловедение, астрономию, без конца практиковать-

ся на тренажерах. Что скрывать, некоторым из его сверстников все это казалось совершенно лишним.

Не сразу стали до конца понятны слова, которые изо дня в день повторяли преподаватели: «Небо штурмуют с земли, товарищи курсанты!»

Когда стала очевидной эта истина? В тот день и час, когда начались самостоятельные полеты на боевых реактивных самолетах. И вот тут небо оказалось исключительно строгим экзаменатором. Сразу же выявилось, кто и чему научился на земле. Курсанты, которые не жалели себя на тренировках, добросовестно изучали все предметы, чувствовали себя куда уверенней.

Был и такой эпизод. В разгар учебных полетов на аэродроме воцарилась непривычная тишина: запрет на полеты.

В чем дело? Оказалось, кто-то осторожничает.

Как раз в те дни Алексея Леонова как представителя училища командировали на Всеармейское совещание отличников.

По пути на слет сосредоточенно обдумывал свое выступление. С волнением вышел на трибуну, откашлялся в кулак и стал рассказывать о том, как чугуевцы борются за высокую успеваемость, крепкую воинскую дисциплину, о товарищеской взаимопомощи. Упомянул в выступлении и о неиспользованных резервах, остановился на том, что мешает будущим летчикам добиваться более высоких результатов. И не преминул сказать о том, что порой на них смотрят, как на выпускников института благородных девиц. Сказал и об обиде курсантов, связанной с прекращением полетов.

Дня через три возвратился в училище, а ему прямо с порога:

— Леша, а ведь мы снова летаем!

— Давно?

— Сразу же после твоего выступления на совещании сняли запрет. Молодец!

Для себя же Алексей сделал из всего этого такой вывод: если уверен в своей правоте, если чувствуешь, что твои предложения чему-то помогут, скажи о наболевшем вслух. Тебя всегда поймут и помогут разобраться.

В училище его приняли в партию. То был особенный день. Он стал членом партии Ленина, партии коммунистов, влился в ряды тысяч друзей, товарищей, единомышленников. Общение с ними, работа плечо в плечо, жизнь под «одной крышей» делали сильнее, духовно богаче, внутренне дисциплинировали.

И вот — выпуск. Горделиво надета фуражка с голубым околышем и золотыми крылышками на тулье, на плечах — погоны с блестящими звездочками... Позади годы учебы, впереди — распахнутое небо.

В полку молодое пополнение встретили приветливо. Ветераны, бывалые летчики, прошедшие войну с немалым счетом боевых дел, по-доброму поглядывали на губастые мальчишеские лица новичков, расспрашивали, пытаясь угадать, что вынесли молодые из прославленного гнезда.

Летал Алексей с упоением. Каждый полет, будь он прост или сложен, приносил новые впечатления, радостное ощущение высоты и скорости, удовлетворение тем, что занимаешься любимым делом. Серебристой молнией проносилась стреловидная реактивная машина. Мгновение — и она меняла положение в воздухе, скользила в облака, стремительно набирала высоту — и снова вниз. Липкий пот выступал под комбинезоном. Сердце отстукивало часто и

гулко. Перегрузка тяжелой ношей ложилась на плечи, кисти рук, оттягивала лицо...

Нелегко с несущейся на огромной скорости машины, введенной руками летчика в сложнейшую фигуру высшего пилотажа, с первого захода поразить цель и не дать атаковать себя. Тут надобно не только умение, но и особое чутье. То самое, что определяется у летчиков одним понятием: «мастерство».

Разное случалось в таких полетах. Бывало и так, что только умение собрать нервы в кулак, трезвый расчет и хладнокровная неторопливость спасали положение. В такие минуты не было страха, жалости к себе — сложная ситуация в воздухе будто превращала его в одно целое с самолетом, и он жадно впитывал показания приборов, каждое движение стрелок, заставляя непослушную машину подчиниться своей воле.

А разве можно забыть тот день, когда его вызвали к командиру полка и когда состоялся тот самый первый разговор о космосе!..

В кабинете было двое: полковник и незнакомый врач. Короткие вопросы, короткие ответы:

— Вы только что с полетов?

— Так точно!

— Как полетали?

— Вроде ничего.

— А необычные полеты бывали?

— Как смотреть... Каждый полет по-своему необычен. Для меня лично,— уточняет Леонов и снова молчит.

— Почему для вас?

— Я молодой летчик, мне все интересно.

— А как здоровье?

— Не жалуюсь.

— Хотели бы попробовать свои силы на новой технике?

— Хотел бы. Это по моему характеру.

— Какой же у вас характер?

Молчит. А что, собственно, сказать? Характер как характер. В чем-то, наверное, хороший, в чем-то и нет. Так он и сам считает.

— Ладно, вернемся к полетам.— Врач смотрел на него испытующе. Глаза внимательные, острые.— А если в космос придется полететь?

— В космос? — Алексей не понял, сколь серьезен вопрос.— Можно и в космос.

Потом был вызов из Москвы, отборочная комиссия, долгие и однообразные дни в госпитале. Потом был Звездный и длинная вереница дней.

...Пришел наконец и его черед. И вот — последняя ночь перед стартом.

Поздним вечером в домик к космонавтам пришел технический руководитель полета академик Королев.

Сергей Павлович неторопливо снял темно-синее пальто, в котором всегда ездил на космодром, повесил на вешалку шапку-ушанку и тяжело сел. Видно было, что ученый очень устал. Только карие глаза его, как всегда, поблескивали.

— Ну как настроение, орелики? — произнес он свою любимую фразу.

— Отличное,— четко, по-военному ответил Павел Беляев.

— А если просто, по-человечески? — переспросил академик. Ему, кажется, не понравился слишком официальный ответ.

— Все нормальнo, Сергей Павлович,— поддержал я Павла Ивановича.— Вот карандаши цветные под-

готовил. Готовлюсь порисовать. Айвазовский был маринистом, а я хочу стать... косминистом.

На шутку Сергей Павлович улыбнулся и, чуть склонив голову, цепко взглянул вначале на меня, потом на Павла. Мы поняли: предстоит деловой разговор.

— Подготовка к старту проходит нормально... Полет и сам эксперимент по выходу сложны. От вас требуем четкого выполнения программы...— Сергей Павлович добавил: — Вам самим следует учитывать все обстоятельства и принимать разумные решения. Всего на земле предусмотреть невозможно. Повторяю, мы об этом не раз с вами говорили во время тренировок — надо действовать по обстоятельствам. Земля, конечно, останется вашим советчиком. Но на корабле и ваша жизнь, и судьба эксперимента в ваших руках... Если заметите неполадки, все может быть, не лезьте на рожон. Вы меня поняли?.. Не нужны рекорды, нужен серьезный научный эксперимент. Вы понимаете, как много мы ждем от него. То, что мы проведем завтра, откроет целое направление в космических исследованиях. Ложитесь спать, орелики, завтра у вас сложная работа...

Над планетой людей

18 марта 1965 года.

Утро этого дня началось на Байконуре с привычных ритуалов. Перед отъездом из гостиницы «Космонавт» присели. Беляев улыбался одними кончиками губ, ясные глаза его излучали спокойствие.

— Чего это все уселись? — буркнул шутливо.— Сидеть положено только нам с Лешей.

— Вы еще насидитесь во время предстартовой подготовки,— отпарировал кто-то,— а нам стоять на морозе более двух часов.

Когда на них надевали скафандры, Павел Иванович заметил:

— А знаешь, Леша...

Алексей поднял голову. Он знал эту привычку командира начинать с вопроса, а после паузы отвечать самому.

— Слушаю, Паша.

— Вот так неторопливо мой отец в тайгу на охоту собирался. Каждую портянку по полчаса наматывал...

Алексей в который раз подумал: «Удивительный человек. В любой ситуации не утрачивает дар спокойной рассудительности всегда и во всем».

Леонов неуклюже поднялся со стула, пошаркал ногами, попробовал развести руки в стороны. Скафандр сковывал движения, но поддавался.

— Я, кажется, готов, командир.

Полста метров бетонки легли между автобусом, который привез их на стартовую площадку, и ракетой. Перед посадкой в лифт Королев повторил сказанное накануне:

— Дорогие мои орелики! Науке нужен серьезный эксперимент. Если в космосе случатся неполадки, принимайте разумные решения...

И в самый последний момент Главный, обращаясь к Леонову, добавил:

— Ты там особенно не мудри, только выйди и войди. Попутного тебе солнечного ветра!..

Беляев и Леонов поднялись к кораблю, заняли свои рабочие места.

Плотно захлопнулся герметический люк корабля. Они остались одни. Осмотрелись. Все знакомо.

Королев говорил им на одной из первых встреч: если космонавт чувствует перед полетом в космос, что идет на подвиг, значит, он не готов к полету.

«К чему же я сейчас стремлюсь? — подумал Алексей.— Чего хочу? Такое же чувство, как тогда, в школе, когда готовился включить свой прибор, демонстрирующий эффект электролиза... Или когда сел в кабину самолета и ждал разрешения на самостоятельный полет. Похожее было при первом знакомстве с «Востоком»... Но сейчас это чувство во много крат сильнее. Ничего, справимся...»

— «Алмазы», проверьте заставки и наддув,— включилась «Заря». И через секунду: — Как там у вас, как самочувствие?

— Прекрасное! — ответил Беляев.— Я «Алмаз-один», повторяю: самочувствие прекрасное.

Врачи внимательно следили за показаниями телеметрии, наблюдали за пульсом, частотой дыхания, давлением крови. Было много вопросов по ходу подготовительной работы. Кто-то шутил, подключаясь к борту, кто-то предлагал включить музыку. Потом все смолкло. Пропали голоса, раздалась первая команда.

Стрелки часов подползали к «нулю». Сейчас! Алексей поудобнее улегся в кресле.

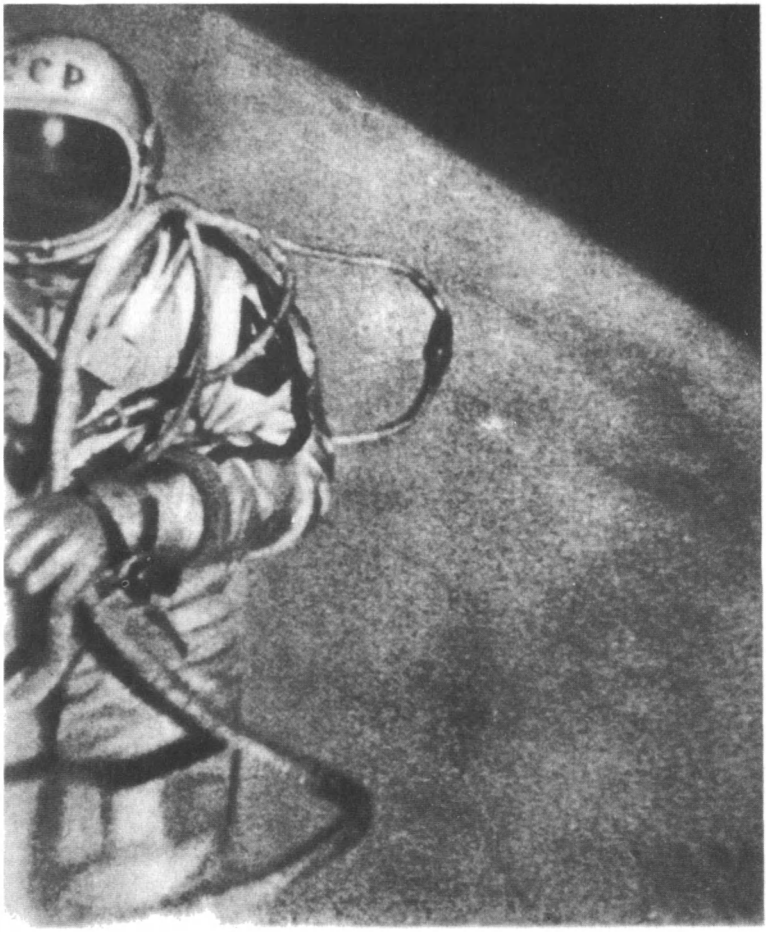
Пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь... Оставалась секунда.

Страшно ли было в этот момент? Уже потом, после полета, он скажет: «Нет». А тогда не думал об этом. Напряжение было. Скованность — тоже. Мысленно представлял весь ход пусковой программы. Первое включение, второе, третье...

Когда отошли фермы обслуживания и включилась автоматика запуска, в динамике раздался голос Королева:

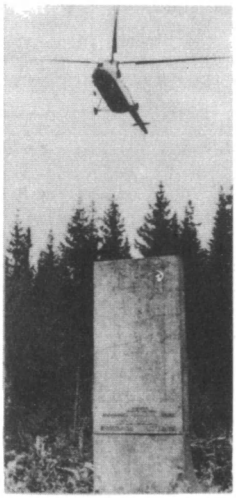
Леша Леонов,
ученик 9-го класса

Юрий Гагарин
поздравляет
Алексея Леонова
с завершением
программы полетов
на вертолетах

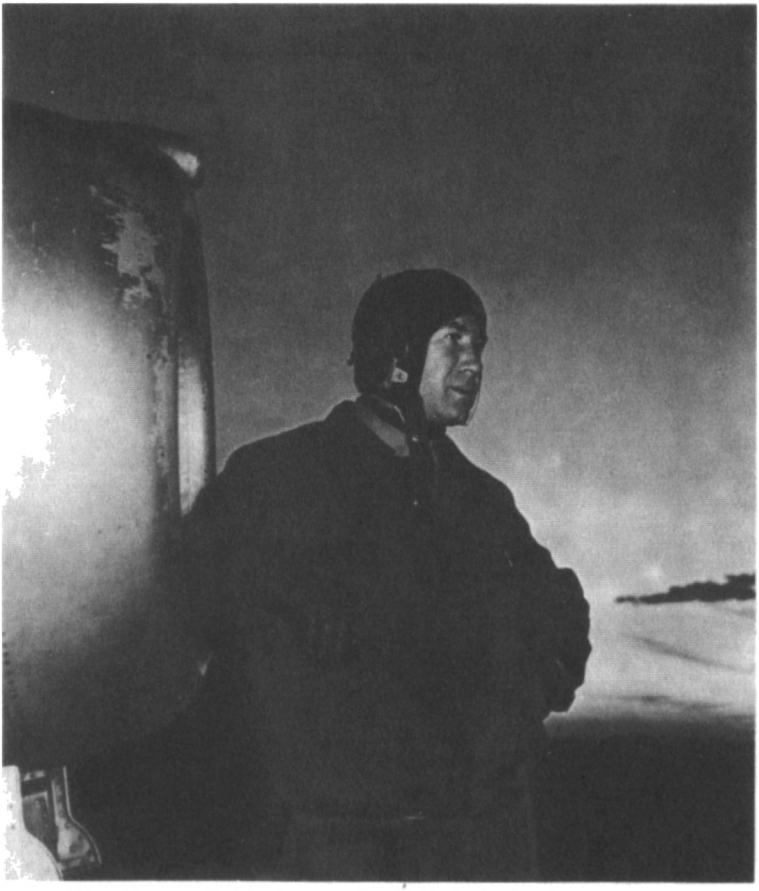


Над планетой людей

П. И. Беляев и А. А. Леонов на пресс-конференции после приземления



Обелиск на месте посадки «Восхода-2»

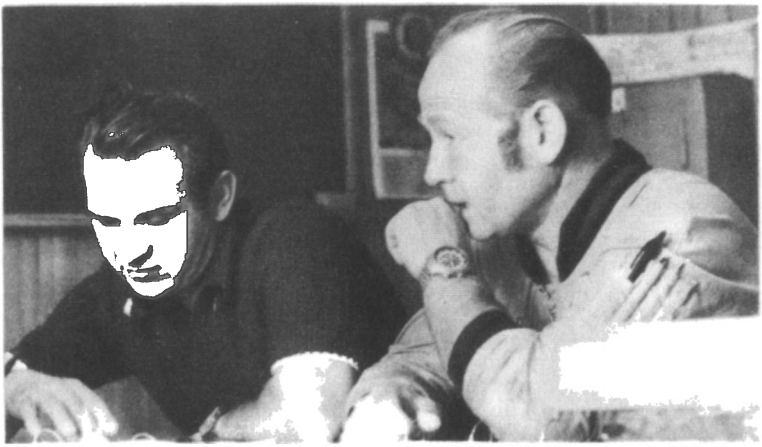


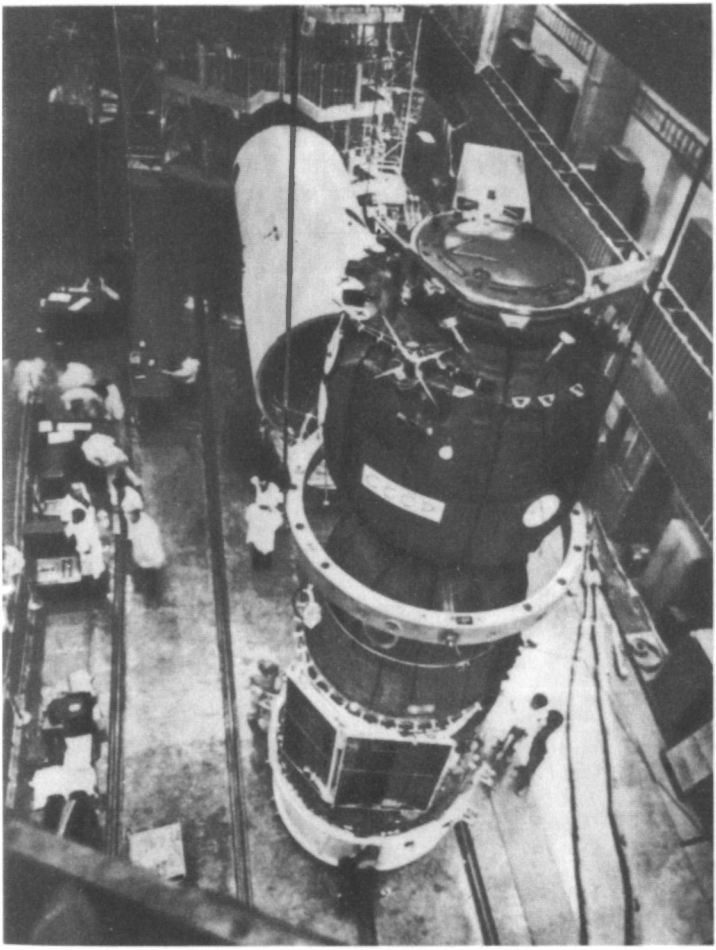
Перед ночным полетом

Обработка результатов полета

Алексей Леонов с дочкой Викой

...И снова работа. А. Леонов и В. Кубасов





«Союз-19» в монтажно-испытательном корпусе на Байконуре

А. Леонов и Т. Стаффорд

**Экипажи «Союза» и «Аполлона» (слева направо):
Т. Стаффорд, В. Бранд, Д. Слейтон, А. Леонов и В. Кубасов**

— Я — двадцатый! Я — двадцатый! Счастливого пути, «Алмазы»!

Поочередно отработали двигатели первой и второй ступеней ракеты-носителя. Включилась третья. Были вибрации, были перегрузки. В иллюминаторах плыла покрытая облачностью Земля. Лишь в редкие просветы проглядывались коричневые горы, зеленоватые массивы тайги и покрытые снегом равнины.

— Изделие идет устойчиво,— сообщили с командного пункта.— Все параметры в норме.

— Что ж, специалисты стартового комплекса и баллистики сделали свое дело,— толкнул его локтем Беляев,— теперь надо постараться и нам, Леша.

«Восход-2» вошел в тень Земли. За иллюминаторами простиралась черная бездна, усеянная огромными немигающими звездами. В кабине мягко светились шкалы приборов, цветными полутонами играли информационные табло, на пульте управления шлюзовой камерой холодно поблескивали металлические тумблеры с лаконичными обозначениями: «Люк ШК», «Клапан ШК», «ШК»... Сбоку виднелся сам люк. Люк выхода в шлюзовую камеру.

Бортовые часы отсчитывали время полета. Алексей смотрел на стрелки. Казалось, что они движутся быстрее, чем обычно. Сделал полный вдох и повернул голову в сторону командирского кресла. Павел Иванович кивнул:

— Пора!

Беляев помог ему надеть ранец с автономной системой жизнеобеспечения. Каждое движение было подчинено жесточайшему графику. Проверена подача дыхательной смеси в скафандр, система контроля, работа клапанов. Руки сами находили нужные тумблеры, застежки, кнопки.

Вдвоем, не торопясь, они выравняли атмосферное давление в кабине и шлюзовой камере. Опустили забрала гермошлемов, надели перчатки и внимательно осмотрели друг друга — все ли в порядке? Беляев повернул рукоятку на пульте управления и оглядел приборы. Все подготовительные операции были выполнены. Оставалось главное.

Глаза их встретились. Взгляд Беляева был оценивающе пристальным и цепким. За годы, проведенные в Звездном, особенно за время совместных тренировок, он хорошо узнал Леонова, его характер, привычки и верил в него. Между ними сложились глубокие, хотя и по-мужски сдержанные отношения. И этот взгляд в последние минуты вобрал в себя все. Настал момент, когда Алексею предстояло впервые шагнуть в бездну Вселенной, лицом к лицу встретиться с космосом. Через какие внутренние «препятствия» должен перешагнуть он, чтобы выйти из их «земного убежища» в пространство звезд? Какие его качества должны проявиться сейчас во всей своей полноте, чтобы не дрогнуть перед открытым люком, не замешкаться, не засуетиться?..

— Ну, пошел, Лепа! — Павел Иванович еще раз взглянул на часы и легонько подтолкнул друга в направлении шлюзовой камеры.

Сделав первый виток, космический корабль «Восход-2» вышел на южную оконечность Америки, миновал мыс Горн и поплыл над Африкой. В 11 часов 30 минут по московскому времени Алексей Леонов покинул кабину корабля и вошел в камеру шлюза. Тут же последовал доклад:

— Я «Алмаз-два». Место в шлюзе занял.

— Понял,— ответил Беляев.

— Беру управление на себя.

— Понял,— та же спокойная лаконичность.

Беляев переключил тумблер на пульте связи и передал на Землю:

— Докладываю: «Алмаз-два» находится в шлюзовой камере. Крышка люка ШК закрыта. Все идет по плану. Все идет по графику. Самочувствие отличное. Прием.

Алексей медленно передвигался по шлюзовой камере, точнее — плыл.

— Люк ШК открыт,— уточнил Беляев.— Приготовиться к выходу.

— К выходу готов.

После короткой паузы Алексей доложил:

— Я «Алмаз-два». Нахожусь на обрезе шлюза. Нахожусь на обрезе шлюза. Самочувствие отличное. Подо мною вижу облачность. Море...

Он не говорил. Он кричал. Это были секунды волнения и радости. Секунды упоения необычностью и красотой.

— «Алмаз-два», вас понял.— Беляев все так же сдержан, невозмутим и официален.— Слышу хорошо. Немного потише говорите. Поздравляю с выходом.

И Алексей старался быть сдержанным:

— Спасибо.

Но все-таки не выдержали они официального тона в переговорах. Волнение, рожденное напряжением и радостью, захлестнуло обоих.

— Леша, не забудь снять крышку с камеры.

— Я уже снял крышку.

— «Алмаз-два», я «Заря-один»,— включилась в диалог Земля.— Что наблюдаете?

— Кавказ, Кавказ,— кричал Алексей.— Кавказ вижу под собой.

— «Алмаз-два», «Алмаз-два», какие условия для работы?

Пауза была короткой. Даже очень короткой, хотя казалось, что он медлил с ответом. В наушниках смолкли голоса, только сквозь легкий шумовой фон слышно было напряженное дыхание командира.

— Нормальные условия. Начинаю отход...

И тотчас деловито и строго прозвучали слова командира корабля, прозвучали как гимн славе и воле советского человека:

— Я «Алмаз». Человек вышел в космическое пространство. Человек вышел в космическое пространство. Находится в свободном плавании...

Алексей в эти мгновения пытался освоиться в космической бездне. Он глянул вниз, на Землю. Она казалась плоской, только кривизна по краям была окрашена в цвета радуги.

— А Земля все-таки круглая!..— весело засмеялся он и подался вперед.

И снова — странички из заветной коричневой тетради. Пусть о главном Алексей Леонов расскажет сам.

Выплывая из люка в бесконечный простор Вселенной, я увидел индиговую синеву Черного моря, заснеженные вершины Кавказского хребта, подернутую дымкой чашу Цемесской бухты, а правее — россыпь белых кристаллов сочинских санаториев. Не спеша оторвал от опоры сначала одну руку, потом вторую, отошел сантиметров на двадцать от корабля, вернулся к люку, а затем плавно оттолкнулся от «Восхода-2» и поплыл на всю длину фала, связывавшего меня с кораблем и прикрепленного в трех точках к моему телу.

Возникло необъяснимое чувство абсолютной свободы. Ничто не связывало передвижения в бездонном

космическом океане. Находясь на сотни километров над Землей, я не падал вниз, а парил рядом с кораблем, летящим со скоростью около 30 000 километров в час, и сам мчался с такой же скоростью, не ощущая ни сопротивления, ни движения. И только по тому, как быстро менялся земной пейзаж, как скованную льдом Волгу сменили хребты Урала, а затем возникли заснеженные сибирские леса, рассекаемые Обью и Енисеем, можно было судить о скорости, с какой я «шел» по космической тропе. Сделав легкое движение рукой или ногой, можно было завертеться, подобно волчку, или несколько раз перекувырнуться через голову, не ощущая, где верх, а где низ.

Я проделывал все новые и новые движения. Попытался подтянуться к кораблю, взялся за вытянувшийся на всю длину фал и скоро был вынужден руками обороняться от стремительно надвигавшейся громады корабля, весившего на Земле шесть тонн. «Как бы не удариться забралом гермошлема о борт!» — подумал я. Но все обошлось. Подлетев к шлюзу, я ладонями самортизировал удар. Это оказалось легко. Значит, при известной сноровке можно достаточно четко и координированно передвигаться в необычных условиях. Это особенно важно для тех, кому придется монтировать и собирать на орбитах спутники-станции и космические лаборатории.

Попробовал я проделать и ряд движений, присущих монтажникам при сборке. Отвинтил заглушку с киноаппарата, укрепленного снаружи корабля. Куда деть ее? Может, запустить на орбиту? И, размахнувшись, я швырнул ее в сторону Земли. Небольшой предмет, поблескивая на солнце, быстро удалялся и скоро исчез из глаз.

Был проделан и такой несложный, но весьма важный опыт. Слабое усилие при отталкивании космо-

навта от борта привело корабль к незначительному угловому перемещению. «Восход-2» как бы ушел от меня вперед. Так я проделал несколько раз. Каждое прикосновение к борту корабля снаружи тут же отдавалось внутри звуком и угловым перемещением.

...Что можно сказать о красках космоса? Они намного ярче, конкретнее земных, ближе к спектральным цветам. Ночная сторона Земли абсолютно черна.

Великолепен трехцветный ореол земной атмосферы, отделяющий планету от усыпанной звездами черноты окружающего пространства. Он складывается из трех основных цветов: красного — у поверхности Земли, затем последовательно палевого и голубого, переходящего через фиолетовый в черноту космического пространства.

Когда светит Луна, различимы залитые ее голубовато-зеленым светом облака. Очень хорошо видны города, похожие на остывающие костры.

Краски дневной, освещенной солнцем стороны Земли почти подобны обычным, окружающим нас «земным» цветам. Они только смягчены голубой вуалью атмосферы. Облака, почти белые, с голубыми полутонами и тенями от них на поверхности планеты, выглядят объемно, материально. При незначительной облачности хорошо видны детали рельефа, складки гор, реки, леса, крупные города.

В космическом полете выход вызвал у меня не опасения, а интерес, любопытство. Момент отрыва от корабля не сопровождался какими-либо особенно острыми ощущениями и переживаниями. Но это еще не значит, что психологический барьер не возникнет у человека, ни разу не прыгавшего с парашютом.

Время летело быстро. Хотелось побыть вне корабля подольше. Но программа есть программа, и командир предупредил:

— *Пора возвращаться.*

Последний взгляд со стороны на космический корабль, летящий на фоне сверкающих созвездий. Он выглядел гораздо величественнее и красивее, чем на Земле. Над корпусом корабля возвышаются радиоантенны, а на тебя, повисшего в пустоте, глядят умные объективы телекамер. Глубокая тишина, а в ушах словно слышится таинственная, неземная электронная музыка. Глядел бы и глядел на это чудо, сотворенное разумом и руками советских людей!

Беляев контролировал работу систем, вел радиопереговоры с «Зарей» и не спускал глаз с Леонова. Он только единожды потерял Алексея из виду, когда тот нырнул под корабль и вышел из поля зрения наружной телекамеры. Павел Иванович слышал, как Алексей задевал ботинками за корабль, как шарил руками по стенке, и был весь в напряжении, хотя ничем не выдавал своего волнения.

— Леша, пора возвращаться! — предупредил он после прохождения контрольного времени.

Но Алексей словно не слышал его слов. Он оттолкнулся от шлюза и снова удалился от корабля. Пришлось повторить команду.

Возвращение — тоже непростая операция. Как-то она пройдет? Сможет ли человек после нахождения в безопорном пространстве вновь подчинить все свои движения строгой координации? Как выдержит испытание скафандр? Не застрянет ли космонавт в люке?..

Проходят минуты, и Алексей вплывает в кабину, втягивает камеру и смотрит на командира с немым вопросом в глазах.

— Молодец, Леша!..

«Восход-2» приближается к восточным границам СССР. Беляв докладывает «Заре»:

— Задание по выходу в космическое пространство и возвращению космонавта в корабль выполнено полностью. Параметры в кабине находятся в пределах нормы. Дальнейшие работы идут строго по программе полета...

Четвертый виток, пятый, шестой... Их число возрастает с четкой периодичностью — 90,9 минуты. В момент, когда «Восход-2» вновь появился над территорией Советского Союза, космонавты передали радиограмму:

«Докладываем Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Советскому правительству: самочувствие экипажа отличное, системы корабля работают нормально, порученное задание выполняется в соответствии с программой, полет проходит успешно. Большое спасибо за оказанное нам доверие».

От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства и всего советского народа Леонид Ильич Брежнев сердечно приветствовал отважный экипаж и поздравил космонавтов с выдающимся подвигом.

«Восход-2» продолжал полет. Седьмой, восьмой, девятый виток... Спят города. Спят люди. Но в Центре управления полетом у пультов и аппаратов связи продолжается космическая вахта. Сюда поступают данные телеметрии, доклады «Алмазов».

Четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый виток...

В 10.00 19 марта закончились первые сутки полета. Экипаж продолжал работать.

— Как самочувствие, «Алмазы»?

Спрашивал Юрий Гагарин. Они сразу узнали его голос, бодрый, веселый, с шутливой интонацией, которая настраивает собеседника на непринужденность.

— Отлично! Отлично себя чувствуем. А как чувствует себя Земля?

На восемнадцатом витке Юрий Гагарин передал на борт распоряжение о посадке. В ответ Беляев и Леонов доложили о готовности приступить к выполнению операций спуска.

Они сделали все, что предусмотрено инструкцией. Затем удобно устроились в креслах, пристегнули привязные ремни, установили в нужные положения все тумблеры. Взгляд обоих устремлен на приборы, контролирующие спуск. По ним они «читали», что и в какой последовательности вступает в работу.

Внизу проплыл пышно-зеленый Мадагаскар. Секунда, другая... Но почему нет включения? Нет вибрации? Центр управления выдал команду на борт, корабль уже на «финишном» участке, а показатель спуска не подтверждает, что они пошли вниз...

«Отказ техники или так решила Земля? — мелькнула первая мысль.— Но почему не предупредили?»

Командир экипажа включил связь с Землей.

— «Заря»! «Заря»! Я «Алмаз-один»...

Земля тотчас включилась на передачу:

— «Алмаз»! Я «Заря». Слышу вас хорошо.

Говорил Юрий Гагарин. В голосе его звучали обычные интонации, хотя речь шла о необычном.

На борту поняли ситуацию. Случай редчайший, но возможный, и они знали это. Надежность — одно из главнейших качеств весьма и весьма сложной космической техники. С началом пилотируемых полетов степень надежности стала еще выше. Но ведь в огромнейшем множестве узлов, систем, агрегатов, приборов, устройств, отдельных деталей, которые в

совокупности своей и составляют корабль, может возникнуть неполадка. И даже если статистика утверждает, что неполадка эта возможна лишь единожды за многие сотни тысяч часов работы, нет абсолютной гарантии того, что отказ произойдет на первой минуте.

На корабле есть резервные, дублирующие системы. На корабле есть человек, это самое главное «звено» надежности, способное вмешиваться в работу систем и устройств, настраивать их, задавать им новую программу.

На некоторое время переговоры с Землей прекратились. Там искали причину случившегося и отрабатывали рекомендации экипажу.

Оперативная группа управления докладывала Королеву свой анализ. Главный не перебивал. Он только уточнял и задавал вопросы. Как всегда, он не признавал «приближений» и потому казался придирчивым.

Беляев и Леонов ждали связи с «Зарей» и мысленно проигрывали свои действия по тем вводным, которые прорабатывались на тренажере. К аварийному варианту они были подготовлены, и создавшаяся ситуация отличалась от учебной лишь тем, что сейчас были недопустимы ошибочные решения.

Включилась «Заря»:

— «Алмазы», вам разрешается ручная посадка на следующем витке.

Короткая пауза, и командир «Восхода-2» передал в эфир:

— «Заря»! Я «Алмаз-один». Вас понял. Нам разрешена ручная посадка на восемнадцатом витке.

В эти тревожные секунды у них не было ни страха, ни растерянности. Казалось бы, естественная боязнь остаться на орбите может создать нервоз-

ность и суету, может помешать логическому мышлению, заглушить рассудительность. Но боязни не было. Напротив, появилось какое-то особое чувство собранности и даже интереса: оказалась возможность опробовать и испытать новое, сделать еще одно важное дело.

Корабль снова вышел на финишную прямую. По расчетам, тормозную двигательную установку надо было включить в 11 часов 35 минут 44 секунды. С помощью ручной ориентации Беляев чуть развернул корабль. Теперь надо удержать его в этом положении. Нажата кнопка. Мгновенно прекратилось состояние невесомости. Значит, ТДУ включилась. Все сработало. Все нормально. Перегрузка. Отделение приборного отсека. За стеклами иллюминатора начало бушевать пламя.

Спускаемый аппарат камнем летел вниз. Впереди уплотненная плазма, позади — бездна космоса. Мысль работает со скоростью приборов — их показания фиксировались космонавтами мгновенно. Точно невидимые нити связали мозг человека с не знающим эмоций организмом аппаратуры. Перегрузки уменьшаются. Иллюминатор заметно почернел...

Отстреливается крышка — и раскрывается тормозной парашют. Потом — основной. Легкий толчок — и отделяется теплозащитный экран. Облака расколлись. Темно-зеленым пятном стремительно надвигается земля...

Потом они вспоминали о том мартовском дне испытаний с улыбкой. Подшучивали друг над другом. Впрочем, так бывает всегда, когда волнения уже позади...

Они приземлились в районе Перми, в глухом лесу. Открыли люк. Морозная свежесть обжигала

лицо, щекотала горло. Снег до пояса. Деревья, словно суровая стража, застыли вокруг корабля...

Маленькая рация передала в эфир сигнал. Его приняли. Они знали, что к ним придут, что поисково-спасательная группа уже в пути. И они ждали.

Ночь пролетела незаметно. От сильного мороза трещали деревья, снег под ногами хрустел громко, как будто он сердился на людей.

Ярко пылал костер. Тепло его огня напоминало лесные костры детства. Блики света играли на лицах, на обгоревшей обшивке спускаемого аппарата «Восхода-2». Где-то стрекотал вертолет. Вдруг в той стороне, откуда они ждали солнце, раздался треск валежника. И снова — тихо. Потом треск повторился. Сомнений не было: к ним шли люди.

Работа без выходных

Пять лет шел он к своему первому старту. Бесконечные тренировки, занятия, экзамены, редкий и короткий отдых. И вот отзвучал в эфире над планетой его позывной «Алмаз-2», но в сердце остались слова, сказанные про себя в тот самый момент, когда оглянулся перед входом в корабль: «Не забывай меня, Солнце!» Были в этом восклицании, прозвучавшем в космической бездне, и глубокая, радостная откровенность, и непосредственная восторженность. Был и оттенок грусти: ведь они звучали как прощание.

Потом были торжественные встречи, чествования, многочисленные поездки, выступления на митингах... В водовороте событий он держался вроде бы и

легко, но, оставаясь наедине с собой, терзался в сомнениях: а не превратится ли все это в праздность, которая оттеснит главное, лишит права на самоуважение, закрутит в вихре торжеств?..

В памяти часто всплывала откровенная беседа с Королевым. Главный говорил о будущем, спокойно и несколько скупо рисовал завтрашний день космонавтики. И была в его рассказе одна мысль, которую он настойчиво повторял и в других беседах. Став космонавтом, надо отчетливо представлять, что после непродолжительного изумления и восхищения подвигом первооткрывателей наступят трудовые будни. И тогда без труда можно будет отличить цвет от пустоцвета.

В минуты расслабления, когда он сам себе мог дать несколько часов отдыха, Сергей Павлович рассказывал о своей юности, о пути в авиацию, о первых ракетных стартах. Интересная и трудная биография академика Королева была для Алексея Леонова примером упорства и труда. Сергей Павлович любил повторять слова Жуковского: «Стыд тому, кто жизнь и время праздно тратит».

В учебе Алексей Леонов тоже следовал заветам Королева:

— Мысль, фантазия, сказка. Далее — расчет и, наконец, исполнение. Всем вам обязательно нужно участвовать в создании новых направлений технического прогресса. Что для этого требуется? Прежде всего труд. Труд усердный и постоянный. Вехи предстоящего маршрута в науку берусь вам подсказать: первое — запомнить, второе — понять, третье — рассказать своими словами, четвертое — написать по памяти, пятое — решить известные задачи по-новому, шестое — решить более трудные задачи, предлагаемые руководителями, седьмое — сформулиро-

вать предварительную рабочую гипотезу, наконец, восьмое — стать создателем нового направления. У каждого из вас в запасе много сил и времени. Постоянно учась, человек оказывается способным творить новое.

Новое... Это слово ассоциировалось в сознании Алексея с другим — «нужное». Наблюдая за стартом ракеты, представляя всю мощь двигателей носителя, он не переставал удивляться гениальности конструктивных решений. Что за сила скрепляет металл, из которого сделана ракета? Электросварка. Казалось бы, что удивительного? Ну сварка. Но ведь еще совсем недавно, уже после войны, ученые сомневались в ее прочности, спорили: выдержит ли нагрузки цельносварной мост? Мост, а не космический корабль! Но сварщик номер 1 академик Евгений Оскарович Патон доказал перспективность электросварки.

А так называемая холодная сварка? Когда Алексей готовился к полету и выходу в открытый космос, о холодной сварке в условиях большого разрежения не было достаточно достоверных сведений. Некоторые специалисты выражали опасения, что металлические детали, соприкасающиеся друг с другом, могут подвергнуться такой сварке. Нужен был эксперимент, и Алексей решил, что поставит его он сам. Еще до полета изготовил три металлические пластинки — железную, латунную и алюминиевую — и соединил болтами. При входе в космос положил их в наружный карман скафандра. Так они оказались в открытом космосе. После полета выяснилось, что никакой сварки не произошло. Тогда Алексей с видом победителя вручил пластинки Сергею Павловичу Королеву. Тот хитро прищурился и сказал:

— Тоже мне экспериментатор-самоучка! Они и не могли свариться: соединить-то их надо было не на земле, а в космосе, к тому же в кармане у тебя не ахти какой был вакуум — сам скафандр хоть и немного, но газит...

С того мартовского дня 1965-го прошло много лет. Он стал старше. Уже нет с ним его командира — капитана «Восхода-2» Павла Ивановича Беляева, одного из самых верных и надежных друзей...

Работа, тренировки, дела общественные. Каждый год приносил новые события. Он окончил Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского, его приняли в Союз художников СССР, на съезде комсомола избрали членом ЦК ВЛКСМ, он вице-президент Общества дружбы СССР — Чехословакия... Незабываемыми были поездки в братские страны: Болгарию, Венгрию, ГДР, Чехословакию... Побывал Алексей Леонов и в ряде стран Западной Европы, Латинской Америки, на Кипре, в Сирии... Вместе с художником-фантастом Андреем Соколовым выпустил несколько альбомов. «Восприятие пространства и времени в космосе», «Психологические особенности деятельности космонавтов» — это научные труды, книги, в которые вложен и его авторский труд.

...Это было в Японии, во время его поездки на «Экспо-70». Организаторы выставки чествовавали его, он сидел в президиуме, слушал выступавших, принимал пухлые адреса и еще липкие от клея телеграммы с приглашениями от городов, университетов, отдельных фирм, шутил, скрывая смущение. А потом поднялся и начал говорить негромким, чуть хриплым голосом. Речь его была краткой и тем, кто не знал его, могла показаться суховатой. Но так было лишь в самом начале.

Он говорил о Родине, о Советской России, стране, пославшей его в космос. Он вспоминал детство, совпавшее с годами Великой Отечественной войны, и юность. Но это лишь попутно, вскользь. Главное — он говорил о людях, воспитанных партией Ленина, смелых и стойких, решительных и мужественных, которые создали корабль и ракету и дерзнули на столь необычные эксперименты в космосе.

— Господин Леонов,— спросили его,— зачем вы свою славу делите с другими? Ведь в космос выходили вы один...

Вопрос смешной, вопрос наивный. Но как ответить на него так, чтобы ни у кого не было и малейшего сомнения в его искренности, в его правде?

— Есть хорошая, мудрая легенда,— начал он неторопливо.— Не знаю точно, в каком народе она родилась, но смысл ее понятен всем. В ней говорится о самодовольном человеке, которому случилось вскарабкаться на высокую башню, откуда люди внизу показались ему крошечными карликами... И еще сказал мудрец: «Чтобы удивиться, достаточно одной минуты и одного человека; чтобы сделать удивительное, нужны многие годы и много людей». Тысячи моих соотечественников трудились над постройкой ракеты и космического корабля, на котором Павлу Беляеву и мне доверили полет. Тысячи людей проектировали, рассчитывали и создавали скафандр, систему жизнеобеспечения... И все, что нами было сделано,— это итог коллективной мысли, коллективного труда. И это слава всего нашего народа...

Зал взорвался криками одобрения и аплодисментами.

Был среди трудных для Алексея дней один, который навсегда останется болезненной раной в серд-

це. Моросил дождь со снегом. Холодный ветер с моря заползал за воротник шинели. Тускло поблескивали в мглистом воздухе фонари. Он стоял у свежего могильного холма. Горе без стука вошло в его дом. Несчастье отняло у него самое дорогое — мать...

Скорбь молчалива. Он стоял один, в отдалении от родственников и знакомых, и губы его шептали: «Мама». Мать очень любила его, оберегала от невзгод, учила житейской мудрости: «Будь честным и добрым, сынок, и помни: у славы свои законы, чем меньше печешься о ней, тем сильнее влечешь к себе людей, тем и дороже им».

Он все помнил.

И снова учеба, книги, книги... Дома у него много книг. «Введение в ракетную технику», «Теория двигателей», «Грамматика английского языка», «Астрономия», «Космические исследования». И рядом с ними — «Мастера старой живописи», «Пушкин в изобразительном искусстве», «Пейзаж Барбизонской школы», «Брюллов», «Шишкин», «Голландская и фламандская живопись», «Венгерская живопись XIX века». И Айвазовский — он собран во всех изданиях, которые только выходили.

На стенах — картины. На одной из них люди в скафандрах в причудливом мире красок и пустоты идут по чужой планете. У этой темы своя история. Родилась она после все тех же бесед с Королевым. Он подарил Леонову альбом, выпущенный Академией наук СССР. На первой странице, под заголовком «Первые фотографии обратной стороны Луны», размашистым почерком написано: «Алексею Архиповичу Леонову — в день рождения: желаю лично обойти все новые места, упомянутые в этой книжке».

Рисовать он любит.

— Для меня живопись не просто отображение жизни, а сама жизнь, ее достойнейшее проявление, ее многообразие. Хорошая картина — реальный, живой факт, как, скажем, кусок хлеба, как музыка, как интересная книга...

Добрую половину им созданного занимают этюды, портретные наброски, эскизы... Остальное можно объединить одним словом «космос». Рассматривая его картины, чувствуешь себя участником звездных экспедиций, переживаешь трепетное восхищение и напряженность труда... Рисует он чаще всего по ночам — днем времени для этого нет. К тому же ночью никто не мешает, не отвлекает, не видит, как он порой замазывает весь холст, если что-то не получилось. И так может повторяться много раз, пока он не найдет то «чуть-чуть», которое заставляет нарисованное жить.

Все, кто был зачислен в первый космический отряд (его теперь называют гагаринским), мечтали о том, чтобы дверь в космос, однажды уже раскрывшаяся перед ними, не захлопнулась. Они мечтали войти в эту дверь снова и снова.

Леонов твердо знал: расчет на удачу, счастливый случай, магическое «вдруг» — дело пустое. Надо сделать все от себя зависящее, чтобы случайности отступили перед закономерностью. А потому нельзя транжирить время попусту. Каждый день и каждый час должны быть подчинены той цели, которую он поставил перед собой однажды и которую сделал смыслом своей жизни.

Между тем жизнь Звездного шла своим чередом. Был создан новый корабль, который получил имя «Союз». Он прошел испытания, предназначался для больших и интересных работ. Усложнялись програм-

мы стартов, усложнялась и подготовка экипажей. В 1972 году было подписано соглашение между Академией наук СССР и Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства США о подготовке к совместному полету пилотируемых космических кораблей двух стран.

Вызов в совет по международному сотрудничеству «Интеркосмос» не был необычным: Леонову и ранее приходилось участвовать в решении вопросов, связанных с советско-американским соглашением о сотрудничестве в исследовании и использовании космоса. Однако этот разговор в совете принял несколько неожиданный для Алексея оборот. Ему предложили участвовать в программе «Союз» — «Аполлон» в качестве командира первого советского экипажа... Не отвечая прямо на вопрос, Леонов спросил:

— А кто будет бортинженером?

— Человек, с которым вы уже давно работаете,— Валерий Николаевич Кубасов.

Прикинул про себя: «Технику я знаю неплохо, с Валерием действительно давно и хорошо знаком. Вместе дублировали первый экипаж «Салюта». Но вот английский язык...»

Поделился сомнениями: в школе учил немецкий, но сейчас, пожалуй, помнит всего несколько фраз.

— Впереди полтора года, за это время освоите и английский.

Так закончился тот первый разговор.

Полтора года... Срок этот может показаться большим. Но и сделать предстояло немало. С самого начала Алексей понимал, что язык — лишь одна из преград, которую предстояло ему «взять».

Вторая преграда — техническая: в Центре подготовки космонавтов надо было в кратчайший срок создать и оборудовать учебную базу, учитывающую

особенности американского корабля, организовать лабораторию по изучению новой модификации «Союза» и «Аполлона», смонтировать специальный тренажер.

В группе непосредственной подготовки нас восемь человек: Валерий Кубасов, Анатолий Филипченко, Николай Рукавишников, Владимир Джанибеков, Борис Андреев, Юрий Романенко, Александр Иванченков и я.

Началась работа. Ежедневно по шесть часов занимаемся английским. Параллельно изучаем техническую документацию. Возвращаемся домой и — снова за учебники. Допоздна прослушиваю пластинки и магнитофонные записи, учусь произносить артикли, зазубриваю целые выражения. К ночи, когда устаю совсем, подхожу к мольберту, но задуманная картина «не идет» — что-то не так...

Иногда размышляю по поводу предстоящего. Идея объединения усилий людей планеты по овладению космическим пространством насчитывает более полусотни лет, и впервые она прозвучала в устах Циолковского. Это он «послал» в космос корабль, на борту которого находились русский, американец, француз, англичанин, немец и итальянец.

Тихо в квартире. За окном ночь. Уже давно уснули дети. В комнату неслышно входит Светлана.

— Леша, завтра у тебя трудный день, пора отдыхать.

Завтра трудный день... А сегодня разве был легкий? И сколько еще впереди таких дней!..

Он ложится, но сон не приходит. В памяти снова и снова встают события прошлого.

Впервые два советских космических аппарата встретились и состыковались на орбите в 1967 году. То были автоматические «Космос-186» и «Космос-188». Позднее этот эксперимент повторили еще два «Космоса» — 212-й и 213-й. Стыковались пилотируемые корабли «Союзы», американский корабль «Джемини» — с ракетой «Аджена», «Союз» — с орбитальной станцией «Салют», «Аполлон» — со «Скайлэбом» и лунным модулем...

Все это были стыковки по схеме «штырь — конус». Система отличалась простотой, надежностью, но имела существенный недостаток: корабль, оборудованный штырем, не мог состыковаться с себе подобным, а следовательно, и какие-либо разговоры об оказании помощи в космосе не имели смысла.

В самом начале работы по программе «Союз» — «Аполлон» родилась новая конструкция стыковочного узла. Это был не «штырь» и не «конус», а нечто совсе иное. Внешне устройство напоминало цветок с раскрытыми лепестками. При стыковке направляющие грани лепестков одного корабля должны были скользить по боковой поверхности таких же лепестков, установленных на стыковочном узле другого корабля. Лепестки крепились на специальном кольце. Выдвижение кольца или его втягивание меняло «статус» корабля: в первом случае он становился активным, а во втором — пассивным.

Но это — техническая сторона дела. Чрезвычайно важно, что еще до реальных испытаний новых стыковочных устройств, до стыковки в космосе произошла «стыковка» советских и американских специалистов — конструкторов, инженеров, ученых. Она стала результатом усилий Коммунистической партии и Советского правительства, настойчиво проводящих политику мира и разрядки международной напря-

женности. Объединение людей планеты Земля в исследовании космоса, полет, стыковка, а вместе с ними программа технических испытаний и научных исследований были нацелены в завтрашний день космонавтики и проводились в интересах всего человечества.

Программа ЭПАС

И снова рабочий день насыщен до предела. Часто приходилось бывать в совете «Интеркосмоса», в конструкторском бюро, в научно-исследовательских институтах, готовивших ряд экспериментов, которые предполагалось провести в полете.

Дни расписывались по часам: до обеда, после обеда, в Центре, в КБ, в НИИ и «Интеркосмосе»... Разбор технической документации, знакомство с новыми системами и узлами, работа на тренажере, полеты на реактивных самолетах, прыжки с парашютом. И снова:

— Экипаж в отсеке. К работе готовы,— это уже голос в динамике, твердый и спокойный. Голос Леонова из корабля-тренажера.

— Вас поняли. Приступайте к работе.

— Приступаем...

По сигналам управления инструкторы следили за действиями экипажа, усложняли программу неожиданными вводными, контролировали реакцию космонавтов на те или иные команды. Особое внимание уделялось действиям в так называемых нештатных ситуациях. Космос есть космос. Готовность к любым неожиданностям — одно из важнейших качеств космонавта, показатель его профессиональной выучки.

Быстрый переход из корабля в корабль, умение в считанные минуты надеть скафандры (его «рекорд» с Кубасовым — восемь минут на два скафандра, ибо каждый помогает одеваться другому). Среди других нештатных ситуаций отрабатывались действия при пожаре. Во время тренировок корабль, конечно, не поджигали, да и сделать это было бы очень трудно даже при желании. Просто включалась сирена, вспыхивало табло: «Пожар», американские космонавты с помощью огнетушителя гасили воображаемое пламя, а наши старались как можно быстрее перейти в «Союз».

В «Аполлоне» атмосфера состоит из чистого кислорода. Это предъявляло особые требования к материалам, используемым на кораблях. Обшивка, бортжурналы, авторучки, фотоаппараты, пленка — все должно быть негорючим. И одежда, конечно, тоже. Анатолий Филипченко как-то пришел домой с тренировки, поставил чайник на газовую плиту, о чем-то задумался и почувствовал, что руке тепло. Оказывается, рукав куртки находился прямо в пламени. Он нагрелся, но не загорелся...

Американским астронавтам наш русский язык тоже давался нелегко. И Стаффорд, и Слейтон, и Бранд приложили немало усилий, прежде чем научились старательно выговаривать русские слова. Не скажу, чтобы они преуспели в этом деле, особенно мой друг Том Стаффорд,— он так и не избавился от своего оклахомского акцента. Видимо, и американцы не в восторге от нашего произношения. Зато все мы научились великолепно понимать друг друга на «рустоне», как в шутку стали называть наш смешанный англо-русский язык. «Рустон», образованный из сое-

динения слов «русский» и «Хьюстон», доставил немало хлопот техническому персоналу программы ЭПАС как с советской, так и с американской стороны. Наши переговоры во время совместных тренировок подчас не могли перевести даже самые опытные переводчики — что там говорить о техническом персонале, который поначалу только хватался за голову...

...Хьюстон. В нескольких десятках километров от этого крупного города штата Техас расположился американский космический Центр пилотируемых полетов. Сюда несколько раз приезжали наши ребята для совместных тренировок.

Здание № 4 — «Дом экипажей». Так его называют. Всюду пояснительные таблички на русском и английском языках. Есть и плакаты. Одни — это обращение американских астронавтов к техническим специалистам хьюстонского Центра, другие — как бы ответные призывы. «Мы стыкуемся в космосе, уверенные в том, что все сделали на «отлично»!» Рядом: «Пилот-испытатель, будь внимателен и не нарушай инструкций!»

В главном корпусе Центра висит мемориальная мраморная доска в честь старта первого космонавта планеты — нашего Юрия Гагарина.

Появились эмблема нашего полета и значок. На красно-синем фоне, внутри которого земной шар, силуэты кораблей и слова: «Союз» и «Аполлон». Это официальная эмблема полета. Другая — шуточная: верхом на корабле «Аполлон» сидит смешная собачонка Снупи — героиня популярных в США веселых комиксов, а напротив нее, почти нос к носу, на корабле «Союз» устроился медвежонок. «Давай!» — по-английски восклицает собачка. «Поехали!» — по-русски отвечает медвежонок.

За время подготовки я сдружился со своими американскими коллегами. Том Стаффорд, Дик Слейтон и Вэнс Бранд понравились мне и как профессионалы, и просто как дружелюбные и внимательные ребята.

У американцев есть хорошее выражение, которое в дословном переводе звучит как «тяжело работающие парни». Эта характеристика полностью применима к американскому экипажу... Все они искренне верят в возможность прочных дружеских отношений между нашими народами.

Во время поездок в Хьюстон мне не раз приходилось убеждаться в том, как много простых американцев стоит за развитие сотрудничества наших стран в самых разных областях.

С первых дней июля монтажно-испытательный корпус, или коротко МИК, жил предстартовыми хлопотами. Ритм трудовых будней здесь почти тот же, что и на любом предприятии. По утрам люди торопятся на смену. Правда, пуск и подготовка к нему порой требуют забыть о рабочем времени: смена длится по многу часов. Позже, когда напряжение спадет, каждый получит отгул, но в горячие дни не до регламента.

Почти две недели ушло на «обживание» корабля. Накануне по традиции Алексей и Валерий побывали в мемориальных домиках С. П. Королева и Ю. А. Гагарина, встретились со стартовиками, которые обеспечивают запуск.

Потом снова была предстартовая ночь. Перед сном Алексей и Валерий прошлись по аллее Космонавтов. Вечер не принес прохлады. Земля дышала теплом, сухой, удушливый воздух не освежал.

Наступило 15 июля 1975 года. Над Байконуром —

голубая прозрачность. Солнце, несмотря на утро, безжалостно палило, поглядывая с высоты на предстартовые заботы космодрома.

Алексей проснулся рано. Разминка. Завтрак. Последний диалог с медиками.

В 9 часов 30 минут к гостинице «Космонавт» подошел автобус, чтобы отвезти экипаж в МИК, где проходит «одевание» космонавтов, облачение в полетные скафандры. Потом — на стартовый комплекс.

10 часов 20 минут. Началась заправка ракеты-носителя. В 12 часов 50 минут Леонов и Кубасов заняли свои места в космическом корабле и приступили к проверке бортового оборудования и систем корабля. Перед тем как подняться на вершину, Алексей сказал собравшимся на стартовой площадке:

— Дорогие товарищи, друзья! Нам выпала высокая честь участвовать в первом международном полете пилотируемых космических кораблей. Выполнение этого эксперимента откроет новые перспективы в освоении космического пространства. Заверяем Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Советское правительство, советский народ, что мы приложим все силы, знания и опыт для выполнения ответственного задания Родины.

В 13 часов 35 минут закончились проверки на борту. Земля проинформировала космонавтов о том, что разведены фермы обслуживания ракеты. Через короткие паузы слышится голос пускающего:

— Ключ на старт... Дренаж... Наддув...

В 15 часов 19 минут выдана команда «Пуск». До старта осталось 50 секунд.

Все шло по программе.

— Зажигание... Предварительная... Промежуточная...

И наконец, главная:

— Подъем!..

Отрыв от стартового устройства произошел в 15 часов 20 минут 5 миллисекунд. Через две минуты полета отделились боковые блоки первой ступени, затем — центральный блок. Включаются двигатели третьей ступени. Еще пять минут полета — и космонавты ощутили легкий толчок.

— Есть отделение!

«Союз-19» вышел на орбиту.

Перегрузки сменились невесомостью, когда через потрескивание эфира пробился голос Стаффорда:

— Алексей! Мы скоро вас догоним!..

Леонов не успел ответить, как включился американский телекомментатор:

— Потерпи, Том! Вам надо еще два дня полетать.

В очередном сеансе связи с Землей экипаж получил уточненные данные траектории «Союза». Она была идеально расчетной. Оставалось сделать ее монтажной: осуществить необходимые маневры, чтобы облегчить работу «Аполлона». Советские космонавты в выполнении и этой задачи продемонстрировали высокую профессиональность.

В 16 часов 00 минут на мысе Канаверал началась заправка ракеты «Сатурн», которая должна была вывести на космическую орбиту американский корабль.

«Союз» облетал планету, а на его борту готовились к проведению научных экспериментов. Однако порядок работ пришлось изменить: обнаружилась неисправность одного из блоков телевизионной аппаратуры. Земля спокойно восприняла это сообщение: «Разберемся, рекомендации будут чуть позже». Алексей досадовал: «Ерунда, а обидно». Кубасов успокаивал: «Не горячись».

Вся технология устранения неисправности была «проиграна» на аналоге корабля космонавтом Влади-

миром Джанибековым. В земных условиях потребовалось 40 минут на ремонт и 4 часа на поиск правильных рекомендаций, приемлемых в работе на борту. Но невесомость внесла свои коррективы. Не один час пришлось повозиться Леонову и Кубасову, прежде чем телевизионная установка выдала четкое изображение. А ведь вместе с этим приходилось выполнять все другие операции, предусмотренные программой.

Постепенно смещаясь к западу, «Союз-19» на шестом витке вышел в район Северной Атлантики, причем так, что траектория его полета пролегла над полуостровом Флорида, над американским космодромом на мысе Канаверал.

В 21 час 37 минут Леонов и Кубасов начали снижать давление в отсеках корабля, чтобы подготовиться к стыковке и переходу. Операция потребовала более двух часов. Параллельно экипаж приступил к выполнению научных экспериментов по биологической программе.

Оба Центра управления, в Подмосковье и в Хьюстоне, с напряженным вниманием следили за всем, что происходило в космосе.

15 июля 1975 года в 22 часа 50 минут московского времени стартовал «Аполлон».

В течение следующих суток оба корабля маневрировали в космосе, проводили необходимую работу, чтобы обеспечить наивыгоднейшие условия для сближения и стыковки. Параметры монтажной орбиты были заранее рассчитаны и согласованы максимально допустимые отклонения. По расстоянию они составляли 1500 метров, а по времени прихода в заданную точку — 90 секунд.

На семнадцатом витке Леонов и Кубасов сориентировали свой корабль, согласно данным, полученным

от баллистиков, и включили корректирующую двигательную установку. Секунды, в течение которых бортовые устройства отрабатывали полученные команды, казались непомерно долгими. Зато результат был отличным, точность выхода «Союза-19» не могла не восхищать: 250 метров и 7,5 секунды.

Леонов и Кубасов продолжали выполнять нучные исследования и эксперименты, фотографировали восход Солнца, зодиакальный свет на фоне ночного неба, вели измерения преломляющих свойств атмосферы. Космонавты ждали встречи, но вот тревожное сообщение с Земли: «На борту «Аполлона» какие-то неполадки. Похоже, что они связаны с работой переходного люка». Возникла та самая ситуация, которая ставила под сомнение возможность выполнения главного пункта программы совместного полета — переход из карабля в корабль после стыковки.

Новое сообщение не принесло облегчения: оказалось, что неисправен штырь переходного люка, который был взят с уже летавшего корабля. Он и тогда «проявлял свой характер», заставляя волноваться американских астронавтов. Пережил в том полете неприятные минуты и Стаффорд, когда не смог сразу открыть переходной люк в стыковочный модуль.

Экипаж нового «Аполлона» проявил хладнокровие и мастерство. Неисправность устранили, и люк был открыт.

В Хьюстоне шутили: «Союз» стартовал первым — это очко советским специалистам. Мы вышли в космос вторыми, но наших там трое. Это очко нам. Итак, 1:1.— «Позвольте,— возражали представители консультативной группы, прибывшей из СССР,— наших не двое, а четверо. Еще двое — Петр Климук и Виталий Севастьянов — летают на «Салюте-4», и если говорить о счете, то он 2:1 в нашу пользу». Подобные

«дуэли» как разрядка в перерывах между сеансами связи звучали часто. Шутки помогали снять напряжение и тем, кто работал на Земле, и тем, кто трудился в космосе.

К 7.00 17 июля расстояние между кораблями «Союз-19» и «Аполлон» составляло 2150 километров. К 11 часам оно сократилось до 1405 километров. В 16 часов, когда оно сократилось до 370 километров, экипажи установили прямую радиосвязь на ультракоротких волнах. Американцы сообщили, что наблюдают «Союз-19» с помощью секстанта.

Алексей Леонов вручную развернул «Союз» так, чтобы «Аполлон» мог выполнить стыковку. Когда корабль «стал по нулям», то есть занял строго заданное положение, командир включил автоматическую систему. Теперь ей предстояло постоянно поддерживать точную ориентацию.

В поисках «Союза» американским космонавтам помогали импульсные маяки нашего корабля, которые мы включили при входе на неосвещенный участок орбиты на 34-м витке. Их свет виден на сотни километров.

С «Аполлона» увидели «Союз», и тут же между кораблями была установлена УКВ радиосвязь. Первый контакт, таким образом, был налажен.

На 35-м витке Валерий сообщил в Центр, что расстояние от «Аполлона» до нас 48 миль. Центр управления полетом разрешил стыковку в расчетное время.

...Он все ближе. Три метра... Один метр...: Еще мгновение — и я кричу по-английски:

— Контакт! Привет, Том! Сработано отлично! Скоро пожмем ваши руки!

— Спасибо, Алексей! — отвечает Стаффорд по-русски.— Ждем встречи с вами!

Мы с Валерием, одетые в скафандры, находимся в спускаемом аппарате. Люк, соединяющий его с орбитальным отсеком, пока закрыт. Совершив облет «Союза», «Аполлон» занимает исходное положение...

Стрелки хронометров двух Центров управления и двух космических кораблей ведут отсчет времени: 19.00... 19.05... 19.09...

— Есть касание!

Начинается первичная сцепка и выравнивание кораблей. Затем — стягивание. Сработали замки...

— Стыковка выполнена!

Алексей старается быть сдержанным, но возбуждения скрыть не может.

— Молодцы, поздравляем! — звучит в микрофоне голос Георгия Шонина: в эти часы он был на связи с экипажем «Союза-19».— Все в Центре вас поздравляют!

— Спасибо. Приступаем к проверке герметичности.

17 июля в 19 часов 12 минут над тем районом земного шара, где плещутся волны Бискайского залива, стала функционировать международная космическая лаборатория из двух жестко сцепленных кораблей — «Союз-19» и «Аполлон».

«Событие века»... Эти слова звучали в эфире над планетой. Их произносили на разных языках, но с одной интонацией: за ними следовало восклицание. «Новая эпоха в освоении космоса», «Гиганты встречаются на орбите», «Перспективы, которые не могут не волновать», «Великое начало»... Такими заголовками сопровождались комментарии государственных

деятелей и ученых. А там, на орбите, шла работа, которая требовала исключительной собранности и внимания, четкости и точности действий, большого профессионализма.

Приближалась долгожданная минута рукопожатия в космосе.

— Открываем люк номер 4... Готовы к открытию люка номер 3,— говорит Валерий.

— Вас понял,— откликается по-русски Стаффорд.

И тут же звучит радостное:

— Здравствуйте, Алексей! Здравствуйте, Валерий! Как дела?

— Глэд ту си ю (рады видеть вас)! — отвечаю я.

Стаффорд протягивает мне руку. Вот оно, рукопожатие в космосе! Валерий в это время снимает фильм.

Том гостеприимно приглашает:

— Проходите, пожалуйста!

Это не предусмотрено программой, но звучит так просто, как будто мы находимся не в космосе, а у порога его дома в Оклахоме.

— Нет, пожалуйста, к нам,— улыбаясь, настаивает Валерий.

Стаффорд и Слейтон вскоре оказываются внутри нашего корабля. И все мы с глубоким вниманием слушали слова приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, обращенные к нам из Москвы: «Можно сказать, что «Союз» — «Аполлон» — прообраз будущих международных орбитальных станций».

Я и Стаффорд обменялись государственными флагами СССР и США, подписали свидетельство Международной федерации авиационного спорта о первой

международной стыковке в космосе. Затем мы передали американскому экипажу флаг ООН, обменялись приборами для проведения биологических экспериментов.

...18 июля было днем переходов. Мы трижды переходили из одной части станции в другую для проведения экспериментов.

Около 13 часов я отправился на борт «Аполлона», где примерно шесть часов работал вместе с Томом и Диком. Мое место в «Союзе» в это время занимал Вэнс Бранд. Он проплыл через переходной люк, и вскоре в советском Центре управления полетом услышали его веселый голос:

— «Москва», я «Союз»! Доброе утро! Говорит Вэнс Бранд. Я очень рад быть здесь.

На 65-м витке Леонов и Кубасов надели скафандры и перешли в спускаемый аппарат своего корабля. В 15 часов 03 минуты «Союз» и «Аполлон» расстыковались. Медленно, словно нехотя, отходили они друг от друга. «Аполлон» был сориентирован так, что уходил в сторону Солнца, закрывая своим корпусом огнедышащее светило. Алексей и Валерий прильнули с аппаратурой к иллюминаторам. Кубасов включил автомат управления фотокамерой. При таком расположении кораблей имитировалось солнечное затмение. Они старались не упустить момент и не потерять времени. В течение двух-трех минут нужно было успеть заснять редкостное явление, созданное самим человеком. Работали автоматы, работали люди. Одни точно выполняли программу, другие творчески оценивали обстановку и получали уникальные кадры.

Затем начался еще один этап стыковки. Но теперь уже корабли как бы поменяли свое назначение:

«Союз-19» стал активным, «Аполлон» — пассивным. В полетной документации эта операция была названа тестовой — испытательной. Однако испытания проходили не совсем нормально. «Аполлон» раскачивало, в результате сильных боковых отклонений касание получилось грубым. Однако стыковочный узел «Союза-19» выдержал все нагрузки, чем еще раз была подтверждена надежность конструкции и правильность инженерных решений.

В 18 часов 26 минут корабли расстыковались окончательно, но совместная работа продолжалась. Еще почти три витка «Союз-19» и «Аполлон» летали рядом, экипажи проводили научный эксперимент «Ультрафиолетовое поглощение». С американского корабля на уголковый отражатель «Союза» посылался сигнал, который, отразившись, вновь принимался на «Аполлоне». Специальная регистрирующая аппаратура должна была получить данные, позволяющие судить о концентрации атомарного кислорода и азота на больших высотах.

Первое измерение с расстояния 150 метров не дало удовлетворительных результатов.

— Том, что там у вас? — спросил Алексей.

— Не можем понять, но что-то не ладится.

— Сейчас попробуем помочь вам.

«Союз» развернулся по курсу и подключил к эксперименту уголковый отражатель приборно-агрегатного отсека. Дальнейшие измерения получились удовлетворительными.

На 71-м витке прозвучали слова прощания:

— До встречи на Земле!

Все дальше и дальше удалялся «Аполлон» от «Союза». Вечером 20 июля Алексей Леонов доложил руководству полетом:

— Укладка возвращаемого оборудования полно-

стью закончена. Все три контейнера запломбированы. Готовим к возвращению последние документы. Как погода в Москве?

— Смотрите ничего не забудьте на орбите,— напоминает Земля.— А погода у нас отличная. Редкостный воскресный день!

— А сегодня разве воскресенье? — удивился Алексей.

— Именно так. Заработались вы там, ребята.

В спускаемый аппарат перенесены приборы, кассеты с пленкой, капсулы, контейнеры, термостаты, сувениры американских коллег, бортжурналы, съемное оборудование.

— Пора, Валерий,— вздохнул Алексей.— Экспедиция закончена.

— Пора,— без энтузиазма отозвался Кубасов.

На 95-м витке они вновь надели скафандры, устроились поудобнее в своих рабочих креслах и начали готовиться к спуску.

Алексей доложил о том, как выполнена ориентация. Его сообщение ретранслировали в подмосковный Центр управления полетом. Экипажу ответил Юрий Романенко:

— Вас поняли. Все идет штатно. Время расчетное. Ждем!

21 июля в 13 часов 10 минут включилась тормозная двигательная установка. «Союз-19» начал сходить с орбиты. Произошло разделение отсеков. Спускаемый аппарат, в котором находились Алексей Леонов и Валерий Кубасов, преодолевая сопротивление атмосферы, устремился к Земле.

— На борту все нормально. Внизу Африка. Преобладает желто-коричневый цвет, видим озера. Корабль идет плавно.

— Принято! — ответила Земля.

— Разделение прошло вовремя, идем устойчиво,— передал Леонов.

Из Центра управления подтвердили:

— По нашим данным, у вас все штатно.

После паузы реплика:

— Слышим ваши переговоры между собой.

Кубасов ворчит:

— А что это вы наши переговоры слушаете?

Земля смеется:

— Не мы — микрофон.

В корабле тихо. Слышно, как работают движки системы управления спуском. В иллюминаторе плывет Каспийское море, покрытое барашками облаков.

— Как самочувствие? — запрашивает Земля.

— Отличное. Спасибо.

Спускаемый аппарат, объятый пламенем, огненной точкой чертит небо. Потом пламя исчезает. На высоте 10 километров срабатывает тормозной парашют.

В 13 часов 51 минуту «Союз-19» приземляется в 54 километрах северо-западнее города Аркалык.

Три июльских дня 1975 года: 15, 17 и 21-е. Каждая из этих дат определяет один из этапов совместного советско-американского полета. Но есть и еще одна, которую хранит Алексей Леонов в памяти и в сердце: 22 сентября 1975 года. В этот день Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле экипажи «Союза» и «Аполлона». Леонид Ильич сердечно приветствовал американских и советских космонавтов. А они вручили ему символ стыковки на орбите — металлический эллипс, половинки которого соединены специальным замком. Эллипс был собран из частей, доставленных в космос на советском и американском кораблях.

После совместного «путешествия» в космос было и совместное путешествие по американской земле.

Четырнадцать дней. Одиннадцать городов. Маршрут от Атлантического побережья до берегов Тихого океана. Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Омаха, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Хьюстон...

«Добро пожаловать!», «Очень приятно видеть вас в нашем городе», «Здравствуйте, русские парни!», «Наши сердца с вами!» — такие плакаты висели в аэропортах, на улицах и площадях городов, их поднимали восторженные толпы американцев.

— Мы были союзниками с вами во время войны,— говорили ветераны,— сейчас становимся союзниками в освоении космоса. От Эльбы до Вселенной — это перспективный путь для всех живущих на планете. Пусть ракеты несут только мирные грузы!

И всюду — пресс-конференции. Всюду — вопросы. Самые неожиданные, самые разные. Чистосердечные и с подковыркой. О технике и о политике, о русском характере и американской деловитости, о самом полете и о космосе вообще. Был и такой:

— Не слишком ли дорого обходятся исследования космоса?

— Конечно, дорого,— согласился Алексей.— Наверное, и испанской королеве было жалко денег на экспедицию Христофора Колумба. Но она рискнула дать их. И кто знает, когда бы открыли Америку, если бы королева пожадничала...

Смех, аплодисменты, бурный восторг публики и одобряющие возгласы: «Молодцы!», «Русские парни за словом в карман не лезут!»

Томас Стаффорд улыбался и согласно кивал головой. На вопрос, что он может сказать о Леонове и Кубасове, отвечал искренне и с готовностью:

— Удивительно простые, общительные и скромные люди. И очень ответственные. На этих ребят можно положиться.

Диалоги спустя годы

Новый день начинается с утра. Оно может быть солнечным и туманным, слезиться дождем или слепить белизной снега, может быть душным и прохладным, морозным и ветреным... Но каким бы ни было утро нового дня, для Алексея Леонова оно начнется, как всегда, разминкой «до хруста костей».

Потом дела. К примеру, один из таких дней включил комплексную тренировку экипажей, совещание в совете «Интеркосмоса», встречу с научным руководителем по диссертационной работе, разбор тренировки болгарских и кубинских космонавтов, ночные полеты. И конечно, заботы о семье, о доме. Да, недюжинное упорство, настойчивость и работоспособность требуются от человека, чье служебное положение определяется так: заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. И порой чисто символичны выходные дни, приходится отказываться от запланированных отпусков... Летчик-космонавт Леонов живет с полной отдачей душевных и физических сил, стремясь как можно больше успеть, поделиться с людьми тем опытом, что приобрел на земных и космических орбитах, сказать что-то свое...

В Москве была глубокая ночь, когда между Центром управления полетом и тем, кто находился на борту космического комплекса «Салют-6» — «Союз-26», начался не совсем обычный диалог. Речь шла о ремонтных работах вне корабля. Экипаж сообщал о своих действиях.

— «Заря»! Я «Таймыр-один», готовы начать программу.

Это означало, что оба космонавта — Юрий Рома-

ненко («Таймыр-один») и Георгий Гречко («Таймыр-два») — облачились в скафандры и находятся в переходном отсеке станции, люк в основное помещение закрыт. Теперь космонавты ждут разрешения Земли на сброс давления и открытие люка. «Заря» подтвердила контрольные параметры:

— Сброс идет нормально. Можно открывать люк... Переходите на автономное питание.

Какое-то время в главном зале Центра стояла тишина. Потом поступило сообщение данных медицинского контроля. Они «противоречили» напряженности момента: космонавты были спокойны.

Алексей Леонов смотрел на информационный экран, где засветились контуры станции «Салют-6», состыкованный с кораблем «Союз-26». Кружочки с буквами «К» (командир) и «Б» (бортинженер) показывали место нахождения экипажа.

— Ждем доклада,— напомнила «Заря».

— На связи «Таймыр-два». Вышел в открытый космос. Осматриваю торец и замки. Разъемы в полном порядке. Похоже, что элементы станции, антенны, светильники, солнечные батареи тоже в норме...

— Работали с шаблоном? — поинтересовались из Центра управления.

Речь шла о специальном устройстве для проверки электроразъемов.

— Пока не было необходимости. Осмотр и контроль продолжаю. У меня такое впечатление, что сейчас улечу в эту бездну.

Алексей вспомнил свои ощущения. Когда он выходил из «Восхода», в какой-то момент ему тоже показалось, что он улетит. Но это быстро прошло. Его мысли прервал голос «Таймыра-один». Юрий Романенко успокаивал:

— Не волнуйтесь. От меня не улетит...

— Сейчас включится привод солнечных батарей,— предупредила «Заря».

— Ждем, это будет отличное зрелище. А пока я еще раз проверю антенны.

— «Таймыр-два», не забудьте о шаблоне.

— Помню, помню. Инструмент отличный. В скафандре условия комфортные. Сейчас передадим вам телевизионную картинку. Для объективности...

Наблюдая за действиями Георгия Гречко, Алексей лучше других понимал, как нелегко там ребятам. Вспомнился уже далекий теперь мартовский день 1965 года. Тогда было начало. Затем сложный эксперимент повторился: и у нас, и за рубежом. Стала реальной возможность покидать корабль и действовать в открытом космосе. Значит, стали возможны контроль за состоянием внешнего оборудования и самой оболочки корабля или станции, ремонтно-профилактические работы, транспортировка грузов, монтажные работы на орбите — словом, работа по запланированной программе или в силу случайного стечения обстоятельств, что с развитием космоплавания приобретает исключительную важность.

Вспомнился и 1973 год. Тогда под угрозой срыва оказалась программа исследований на американской станции «Скайлэб». Сначала не раскрылась панель солнечной батареи, затем нарушилась теплозащитная изоляция, возникли неисправности в электронике стыковочного агрегата. И только выход в космос помог спасти положение.

«Таймыры» продолжали работу. Телеметрия с борта информировала, что у них все нормально. Успешно выдерживала проверку и новая конструкция скафандра. Это подтверждали и сами космонавты:

— «Заря», иллюминатор скафандра не запотевает, видимость отличная.

— А что видите?

— Под нами огни городов, чуть раньше прошли над океаном. Очень отчетлива Луна, много звезд и кромешная темнота...

Они говорили о снежном покрове Сибири, о том, что на юге сверкают молнии и идут грозы, что темнота ночи скрывает трассу БАМа... Они летели навстречу заре и знали, что скоро увидят Солнце.

— Хватит, заканчивайте. Молодцы, «Таймыры»! Спасибо за отличную работу.

Алексей мысленно был вместе с ними, ощущал их напряжение, ему передавались и их чувства: сначала нетерпение, потом настороженность, потом желание непременно сделать все запланированное. Непременно! Каким бы трудным оно ни было...

В космос уходили другие экипажи, и в трудные минуты полета Алексей неизменно находился в Центре управления: этого требовала его работа.

Космос уже не раз напоминал людям, что он может в любой момент преподнести сюрприз конструкторам и космонавтам, чтобы проверить их готовность к любым неожиданностям. Так было и в августе 1979 года.

Антенна большого радиотелескопа, которая после завершения научных исследований должна была «отстрелиться» от станции, зацепилась во время осуществления этой операции за элемент стыковочного узла «Салюта-6» и повисла непредусмотренным грузом.

Руководство полетом предприняло несколько попыток исправить положение. Не получилось.

На 16 августа был назначен выход экипажа в открытый космос. Станция подходила к зоне радиовидимости корабля «Космонавт Павел Беляев». Антенны плавучего измерительного комплекса «поймали» го-

лос «Протонов»: с орбиты шел доклад о многотрудной работе.

Каждый выход в открытое космическое пространство уникален. Каждый раз решаются новые задачи, испытываются воля и мастерство людей, возможности техники. Но тот выход Владимира Ляхова и Валерия Рюмина был необычен во многих отношениях. Еще ни разу не проводилась такая работа после столь долгого — более 170 суток — пребывания космонавтов в полете.

Алексей слушал лаконичные доклады товарищей:

— Люк открыт... Начинаем.

— Не торопитесь,— предупредила Земля.

— Вышел на «якорь»...

Это Рюмин сообщил, что стал на выступающую рядом с люком площадку, чтоб зафиксироваться, проще говоря, надежно прикрепиться к летящему в космической бездне комплексу.

— Откинут поручень...

— Пошел вдоль станции...

Потом «Протоны» вышли из зоны радиовидимости. Потянулись томительные минуты ожидания — ожидания и тревоги.

И вот сообщение:

— Антенна сброшена. Все нормально.

В зале аплодировали. Алексей взял в руки микрофон:

— Молодцы, «Протоны»!

И он подумал, глядя на огромную карту полета, где были обозначены маршрут движения «Салюта-6» и место нахождения кораблей слежения: «Павел Беляев страховал меня во время первого в истории космонавтики выхода в открытый космос. Теперь корабль, носящий имя отважного космонавта, помогал

экипажу выполнять рабочие операции на новой орбите...»

Алексей представил шлюзовую камеру «Восхода-2», люк, распахнутый в космос, яркие блики солнца, многокрасочную Землю, плывущую внизу, и словно наяву услышал голос своего командира, спокойный, неторопливый, полный уверенности в успехе...

«Паша, дорогой,— мысленно продолжил он с ним разговор,— как жаль, что тебя сейчас нет здесь, что ты не видишь работу наших последователей: они молодцы, они уверенно продолжают то, что мы с тобой начинали, и уверенно идут дальше».

Дорога к звездам, к иным мирам Вселенной всегда будет загадочной и трудной. Пока еще очень немного можно сказать о не имеющем границ безмолвном океане космоса. Освоение его потребует исполинских сил, мужества, знаний, отваги. Кто знает, когда встретится человек с разумными существами иных миров — и встретится ли? И еще долго звездные пути будут полны таких причудливых, загадочных явлений, которых не сможет предвидеть ни ученый, ни фантаст.

Так думал Алексей Леонов, находясь в Центре управления, когда над планетой людей кружил очередной космический комплекс и его товарищи выполняли очередную сложную работу.

Верность
(Вместо эпилога)

С каждым годом множится число представителей новой профессии. Сегодня более девяноста человек побывали на космических орбитах. Общее время, проведенное людьми над планетой Земля, составляет более пяти лет.

Снова и снова раздается над Байконуром гром космических стартов, и половодье огня и дыма бушует над казахстанской степью. В летопись космонавтики вписываются все новые и новые свершения, новые имена. И те, кто причастен к этим новым свершениям, знают, что для достижения успехов на этом неизведанном и трудном пути нужно каждый будничный день прожить с требовательностью к себе. Это знают все, кто живет и трудится в Звездном.

Это знает Алексей Леонов.

Он категорически отрицает «улыбку фортуны», «нежданное счастье», «лотерейную удачу».

— Человек всегда ждет хорошего. Другое дело, как ждать: сложа руки или засучив рукава. Фортуна же «улыбается» лишь тем, кто довольствуется малым... Улыбка фортуны и улыбка Джоконды. Нет, я не провожу никаких параллелей. Но если спросить: что она означает? Сколько людей — столько и мнений. Но от этого картина великого Леонардо не перестанет быть великой. И своим сравнением я хочу сказать, что есть понятия, которые не поддаются поверхност-

ному толкованию. И вот здесь-то проверяется точка зрения человека, его взгляд на себя. Разве можно сказать: я сделал все. Наверное, правильнее будет: я старался сделать все, мне хочется сделать все...

Размышляя о жизни, он не усложняет и не упрощает ее, о чем-то говорит сдержанно, о чем-то горячо и резко:

— Не терплю демагогов. Послушаешь — идей у них полна голова, и все настоящие, нужные. Но... Чуть дойдет дело до первой преграды, пусть даже маленькой, ветхой, опрокинуть ее пара пустяков, а они останавливаются, руки опускают: мол, объективные обстоятельства — против них не попрешь...

Романтика? Вот что он говорит:

— Мне представляется так: романтика — это лишь тень, которая таится в неизведанном, в нерешенном, в неисхоженном мире. Она отступает по мере того, как человек ставит точки там, где еще недавно стояли вопросительные знаки. Проследите хотя бы историю последних лет космической эры... Впрочем, это суждение не мое: я повторяю слова Константина Петровича Феоктистова, целиком разделяя его мысль.

Алексей Архипович вспоминает Королева, его напутствия, его суждения:

— Сергей Павлович был аналитиком и не любил лозунговых фраз. Суть умел формулировать коротко, но так, что она глубоко и четко выражала главное: «Космонавт — инженер — испытатель... Не мальчишеская горячность, не романтика ради романтики должна быть в основе его действий. Таких космос не примет. Патриотизм, отвага, скромность, трезвость мгновенного расчета, железная воля, знания, любовь к людям — вот определяющие черты. Без них не может быть космонавта...»

В жизни каждого человека бывают особенные минуты, особенные часы и дни, когда вдруг случается так, что ему надо, просто необходимо подняться над ворохом дел, над сутолокой будней, над привычным распорядком повседневных событий и порой кажущегося однообразия дней... Подняться, чтобы отодвинуть вдруг ставшую близкой, слишком близкой черту горизонта и охватить взглядом новые просторы, новые дали, новые высоты... Подняться, чтобы увидеть и пережитые годы, и те, что еще впереди...

У него так тоже бывает. И тогда он идет по аллеям Звездного, туда, где высится на мраморном постаменте бронзовый космонавт. Алексей подолгу стоит и смотрит на размашисто шагающего Юрия Гагарина.

Смотрит и думает.

С 1961 года прошло почти два десятка лет. Уже два десятка... Много это или мало? Мы часто ощущаем неодинаковую продолжительность лет. Все дело в скорости развития, в быстроте движения. Чем выше эта скорость, тем больше событий вмещает время, тем медленнее оно течет.

После 1968 года в его сердце и его доме по святому праву памяти живет Юрий Гагарин. Молодой, двадцатисемилетний, с прямым разворотом плеч, с открытым лицом и доброй улыбкой. Он всегда рядом с неумолимо взрослеющими и стареющими товарищами.

Был он с Алексеем Леоновым на «Союзе» и «Аполлоне». Был он со всеми экипажами на «Салютах». Его плечо чувствовали чехи, поляки, немцы, болгары, космонавты других социалистических стран. И потому после каждого полета, вернувшись из космоса, они с охапками цветов приходят к постаменту, на котором застыл первый космонавт планеты.

12 апреля 1961 года перед самой посадкой в корабль первый землянин, которому предстояло подняться в космос, сказал:

— И если... я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей... Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Алексей знает, что справедлива не только извечная человеческая мудрость: «Героями не рождаются!», но и другая: «Герои не умирают!»

И еще он знает, что есть великое слово — «верность». Верность долгу, принципам, товарищам, делу, которому служишь, тому, о чем сказал незабываемым апрельским днем первый космонавт Земли.

Время... Оно торопит, оно зовет к еще не сделанным делам, к еще не осуществленным мечтам.

Вечерами, когда он приходит домой, младшая дочь, одиннадцатилетняя Оксана, засыпает его вопросами. Поток различных «что», «как» и «почему» встречает его еще на пороге. Алексей Архипович улыбается:

— Это новые вопросы или те, на которые я не успел ответить вчера?

Он слушает спокойно, участливо, не спешит с ответом. Что-то уточняет, что-то переспрашивает. Жена журит дочку:

— Дай отдышаться отцу. Умыться, переодеться... Успеете поговорить.

Потом они ужинают. Втроем. Старшая дочь, Виктория,— студентка, будущий экономист. Она вышла замуж, у нее уже своя семья.

И снова вопросы, споры, дискуссии.

— Запомни: природа дала нам два уха, но только один язык,— шутит отец, пытаясь унять красноречие дочки.

Так почти каждый вечер, если только он бывает у генерала Леонова свободным. Вот только свободных вечеров бывает мало...

— Дела,— примирительно говорит он.— И все надо сделать обязательно сегодня. Иначе... Иначе это «сегодня» может оказаться тем «вчера», о котором будешь сожалеть «завтра».

Слушая Алексея Леонова, особенно чувствуешь его характер. Он оптимист. Говорят, что оптимизм прямо пропорционален числу удач в жизни человека. Говорят и подразумевают при этом: «Счастливчик!» А счастливчик он, может быть, только потому, что не просто хочет, но умеет быть счастливым. Может быть, это применимо и к Алексею Леонову. Но все-таки главное в нем — его оптимизм и неуемная жажда деятельности. И вера в слова поэта:

Не подводите покамест итога,
Самая светлая наша дорога
Все еще впереди,
Все еще впереди.

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ · 1980